
ЭДГАР
АЛЛАН ПО
стихотворения

Стихотворения
Эдгар Аллан По

Аннотация
Эдгар Аллан По. Стихотворения
Предисловие переводчика
Эдгар По: Биографический очерк
Лирика 1821–1849 гг.
  1821–1827 гг.
    Озеро
    Вечерняя звезда
    Сон
    Гимн Гармодию и Аристогетону. Подражание греческому
    Имитация
    Духи смерти
    Песня
    Счастливейший день
  1828–1829 гг.
    Введение
    Сонет к науке
    Прежняя жизнь предо мной…
    Мечты
    Мне в юности знаком был некто…
      I

II
III
IV
Страна фей
Альбомные стихи
I. К ручью
II. К***
III. К***
1830–1831 гг.
К Елене
Долина Ниса
Страна фей
Осужденный город
Айрина
Пэан
1833 г.
Колисей
1835 г.
Одной в раю
Гимн
К Марии [К Ф.]
В альбом. [Френсис Сарджент Осгуд]
1836 г.
Израфели
1837 г.
К Занте

Свадебная баллада
1838 г.
Непокойный замок
Червь победитель
1840 г.
Молчание
1842 г.
Линор
1844 г.
Страна снов
Ворон
1845 г.
Спящая
Юлэлей
Город на море
Беспокойная долина
1846 г.
Валентина
1847 г.
Юлалюм
Энигма
К Марии-Луизе (Шю)
1848 г.
Звон
I
II

- III
- IV
- Елене
- Марии-Луизе (Шю)

1849 г.
- Аннабель Ли
- Моей матери
- К Энни
- Эль-Дорадо

Посмертные
- Сон во сне
- Леонени

Поэмы

1829 г.
- Тамерлан
- Аль Аарааф
  - Часть I
    - Гимн Несэси
    - Голос
  - Часть II
    - Песня Несэси
  - Часть III
    - Рассказ Энджело
    - Ианте
    - Энджело
    - Ианте

Критико-библиографический комментарий
Объяснения переводчика
Сборники стихов Эдгара По, изданные при его жизни
I. Сборник 1827 г.
II. Сборник 1829 г.
III. Сборник 1831 г.
IV. Сборник 1845 г.
Примечания к отдельным стихотворениям
Приложение
Константин Бальмонт. Гений открытия
Стефан Малларме. Гробница Эдгара По. Перевод Иннокентия Анненского

Аннотация

Эдгар Аллан По – один из самых таинственных и влиятельных американских писателей XIX века, известный прежде всего как автор «страшных» и мистических рассказов. Его произведения стали символом мистики и величия в мировой литературе и остаются актуальными и в наши дни, вдохновляя читателей на размышления о вечных человеческих темах, таких как любовь, смерть, одиночество и тайны Вселенной.

Сборник «Стихотворения» – это коллекция известных и уникальных поэтических работ Эдгара По. Загадочные образы и философская глубина способны вызвать мощный эмоциональный отклик, а мрачная атмосфера привлекает читателя в таинственный мир искусства. Откройте для себя эту книгу, которая не только поразит ваше воображение, но и станет незабываемым путеводителем в мире великого мастера слова.

Эдгар Аллан По
Стихотворения

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Предисловие переводчика

Причины, побудившие меня приняться за этот труд — перевод лирических стихов Эдгара По, — я считаю достаточно важными. Лирика Эдгара По — одно из замечательнейших явлений в мировой поэзии. Исключительно своеобразная сама по себе, заключающая в себе ряд созданий, которые должны быть признаны классическими образцами словесного искусства, она в то же время — источник весьма многих течений в позднейшей литературе. Круг идей, вложенных в поэмы Эдгара По, и многие его технические приемы были позднее широко разработаны и использованы поэтами конца XIX века, английскими, французскими, немецкими, русскими и др., и правильно оценивать их произведения невозможно без ближайшего знакомства с одним из основных их первоисточников. Между тем до сих пор в русской литературе не только не существовало удовлетворительного перевода поэм Эдгара По, но напечатанные переводы — за исключением не более как двух-трех — дают совершенно превратное представление о его

поэзии, что особенно до́лжно сказать о переводах К. Бальмонта. Прозаические произведения Эдгара По имеются по-русски в переводах если не совершенных, то добросовестных, но его поэмы, можно сказать, совсем неизвестны русскому читателю. Некоторые центральные произведения, как «Юлалюм», «Фейная страна», «Город на море», «Червь-победитель» и др., — искажены в существующих передачах до неузнаваемости, так что все самое основное из них выпало; другие, как «Аль-Аарааф», «Вступление», «Долина Ниса», «Мечты» и т. д., — вообще никогда не были переданы по-русски.

Не надо забывать при этом, что — как это давно и убедительно доказано — подлинное влияние на литературу оказывают иностранные писатели только в переводах: иноязычные оригиналы читаются слишком ограниченным числом лиц, так как лишь немногие настолько владеют иностранным языком (в данном случае английским), чтобы читать на нем для своего удовольствия, тем более такого трудного стилиста, как Эдгар По, да и самые книги на чужих языках гораздо менее доступны, особенно в провинции, нежели русские. Поэтому можно утверждать, что до сих пор значение Эдгара По поэта для нашей литературы

было ничтожно, как в смысле непосредственного влияния его высокого мастерства в технике словесного искусства, так и для выработки правильного понимания задач поэзии, что требует знакомства со всеми высшими достижениями в этой области. Этот пробел в нашей переводной литературе необходимо было заполнить, и я нашел возможным взять на себя этот труд, так как творчество Эдгара По изучал с большим вниманием с своей ранней юности, т. е. уже в течение 25–30 лет.

Ко всему этому до́лжно добавить, что известное предубеждение, сложившееся против идеологии Эдгара По в тех кругах, которые отстаивают материалистическое миропонимание, в значительной мере основано на недоразумении. Увлекавшийся одно время мистическими учениями, Эдгар По, выросший и живший в практической и материалистической республике Северной Америки, был, по существу, «неисправимым» реалистом. В зрелые годы жизни он сознательно отрекся от своих мистических мечтаний, но, независимо от того, всю жизнь клал в основу своих убеждений — данные науки и положительного знания; такова и философия его «Эврики». Фантастические образы в поэмах Эдгара По — только

внешность, деистические сентенции — только условность, истинное же их содержание — в своеобразии человеческой психологии, в понимании которой, кстати сказать, американский поэт является прямым предшественником и во многом учителем нашего Достоевского. Кто будет не только читать слова, но вникать в смысл сказанного, тот найдет в поэмах Эдгара По настоящие откровения о глубинах нашей психики, частью предварившие выводы экспериментальной психологии нашего времени, частью освещающие такие стороны, которые и поныне остаются неразрешенными проблемами науки.

Валерий Брюсов

1923

Эдгар По: Биографический очерк[1]

Величайший из американских поэтов родился 19 января 1809 г., в Бостоне С. Ш. А. Его родители, актеры бродячей труппы, умерли, когда Эдгару было всего два года. Мальчика принял и усыновил зажиточный купец из Виргинии, Дж. Аллэн. Детство Эдгара прошло в обстановке богатой. Аллэны не жалели средств на его воспитание; хотя порой дела их шли неудачно, так что им даже грозило банкротство, мальчик этого не чувствовал: его одевали, «как принца», у него была своя лошадь, свои собаки, свой грум. Когда Эдгару было шесть лет, Аллэны поехали в Англию; там отдали мальчика в дорогой пансион в Лондоне, где он и учился пять лет. По возвращении Аллэнов в 1820 г. в Штаты Эдгар поступил в колледж в Ричмонде, который окончил в 1826 г. Заканчивать

---

[1] Примечания: 1

Важнейшие биографии Э. По: по-английски — Дж. Ингрема (I. H. Ingram. E. A. Poe, his life, letters and opinions. 1891; позднее появилось повое изд., значительно пополненное), Дж. Гаррисона (Life and letters of E. A. Poe. 1903); по-французски — Ш. Бодлэра (в фактическом отношении устарела), Э. Ловриэра (E. Lauvrière. E. Poe, sa vie et son æuvre. 1904); по-русски — К. Бальмонта (Собр. соч. Э. По Биография. 1912). — (*Прим. Валерия Брюсова*).

образование Эдгара отправили в университет в Ричмонде, тогда только что основанный.

Эдгар развился рано; в пять лет — читал, писал, рисовал, декламировал, ездил верхом. В школе — легко поглощал науки, приобрел большой запас знаний по литературе, особенно английской и латинской, по всеобщей истории, по математике, по некоторым отраслям естествознания, как астрономия, физика. Физически Эдгар был силен, участвовал во всех шалостях товарищей, а в университете — во всех их кутежах. Характер будущего поэта с детства был неровный, страстный, порывистый; в его поведении было много странного. С ранних лет Эдгар писал стихи, увлекался фантастическими планами, любил производить психологические опыты над собой и другими; сознавая свое превосходство, давал это чувствовать.

Жизнь в богатстве кончилась для Эдгара, когда ему не было и полных 17 лет. В университете он пробыл всего год. Осенью 1826 г. произошел разрыв между Дж. Аллэном и его приемным сыном. Кто был «виноват», теперь выяснить трудно. Есть свидетельства, неблагоприятные для Эдгара; рассказывают, что он подделал векселя с подписью Дж. Аллэна, что однажды, пьяный,

наговорил ему грубостей, замахнулся на него палкой и т. п. С другой стороны, неоткуда узнать, что терпел гениальный юноша от разбогатевшего покровителя (Дж. Аллэн получил неожиданное наследство, превратившее его уже в миллионера), вполне чуждого вопросам искусства и поэзии. По-видимому, искренно любила Эдгара только г-жа Аллэн, а ее муж давно уже был недоволен слишком эксцентричным приемышем. Поводом к ссоре послужило то, что Аллэн отказался заплатить «карточные долги» Эдгара. Юноша считал их «долгами чести» и не видел иного исхода для спасения этой «чести», как покинуть богатый дом, где воспитывался.

Для Эдгара По началась скитальческая жизнь. Покинув дом Аллэнов, он поехал в родной Бостон, где напечатал сборник стихов под псевдонимом «бостонца»; книжка, впрочем, «в свет не вышла». Это издание, вероятно, поглотило все сбережения юноши. Не имея приюта, он решился на крутой шаг — и поступил солдатом в армию, под вымышленным именем. Службу он нес около года, был у начальства «на хорошем счету» и даже получил чин сержант-майора. В конце 1827-го или в начале 1828 г. поэт, однако, не выдержал своего положения, обратился к приемному отцу,

прося помощи, и, вероятно, выражал раскаяние. Дж. Аллэн, может быть, по ходатайству жены, пожалел юношу, оплатил наем заместителя и выхлопотал Эдгару освобождение. Но, приехав в Ричмонд, Эдгар уже не застал в живых своей покровительницы: г-жа Аллэн умерла за несколько дней до того (28 февраля 1829 г.).

Получив свободу, Эдгар По вновь обратился к поэзии. Он вновь побывал в Балтиморе и познакомился там со своими родственниками по отцу (которые разошлись с ним из-за его женитьбы на актрисе) — с сестрой, с бабушкой, с дядей Георгом По и его сыном Нейльсоном По. Последний мог познакомить Эдгара с редактором местной газеты, У. Гвином. Через Гвина Эдгар получил возможность обратиться к видному тогда нью-йоркскому писателю Дж. Нилю. И Гвину, и Нилю начинающий поэт представил на суд свои стихи. Отзыв, при всех оговорках, был самый благоприятный. Результатом было то, что в конце 1829 г. в Балтиморе вторично был издан сборник стихов Э. По под его именем, озаглавленный «Аль-Аарааф, Тамерлан и малые поэмы». На этот раз книжка поступила в магазины и в редакции, но прошла незамеченной.

Между тем Дж. Аллэн настаивал, чтобы Эдгар

закончил свое образование. Решено было, что он поступит в Военную академию в Вест-Пойнте, хотя по годам он уже не подходил к этой школе для юношей. В марте 1830 г., через ходатайство Аллэна, Эдгар все же был принят в число студентов, и его приемный отец подписал за него обязательство отслужить в армии 5 лет. Вряд ли Эдгар охотно шел в Академию; во всяком случае, он скоро убедился, что карьера, навязанная ему приемным отцом, — совершенно для него неприемлема. Нормальным порядком покинуть школу Эдгар не мог. С обычной горячностью он взялся за дело иначе и сумел добиться того, что в марте 1831 г. был из Академии исключен. Этим юный поэт опять вернул себе свободу, но, конечно, вновь рассорился с Дж. Аллэном.

Из Вест-Пойнта Эдгар По уехал в Нью-Йорк, где поспешил издать третий сборник стихов, названный, однако, «вторым изданием»: «Поэмы Эдгара А. По. Второе издание». Средства на издание были собраны подпиской; подписались многие товарищи по Академии, ожидавшие, что найдут в книге те стихотворные памфлеты и эпиграммы на профессоров, которыми студент Аллэн По стал известен в школе. Таким подписчикам пришлось разочароваться. Покупателей у книги,

расцененной дорого, в 2½ доллара, не нашлось. Немногочисленные рецензии подсмеивались над «непонятностью» стихов.

В 1831 г. Эдгар По делал попытки занять какое-либо определенное положение в обществе. Сохранились от этого времени два письма. Первое, от 10 марта 1831 г., Эдгар По послал некоему полковнику Тэйеру с фантастической просьбой: помочь ему, Эдгару, как сержант-майору американской армии, поступить в ряды французских войск, если Франция вступится за Польшу и пошлет повстанцам 1831 г. помощь против России. Вероятно, письмо осталось без ответа. Второе, от 6 мая 1831 г., адресовано Уильяму Гвину, о котором уже упоминалось: Эдгар По просил доставить ему какую-нибудь литературную работу. Если ответ и был, то отрицательный. Тогда же, летом 1831 г., Эдгар По искал места учителя в одной школе в Балтиморе, но тоже безуспешно. Есть еще сомнительные сведения, что Эдгар По вновь обращался к своему приемному отцу и что тот выдавал ему какие-то денежные пособия. Во всяком случае, пособия эти были крайне незначительны.

Три года, с осени 1831-го по осень 1833 г., — самый темный период в биографии Эдгара По.

Летом 1831 г. Эдгар По жил в Балтиморе, у своей тетки г-жи Клемм, матери той Виргинии, которая стала женой поэта; заметим, что Виргинии тогда было всего 9 лет. С осени 1831 г. следы Эдгара По теряются. Некоторые биографы предполагали, что на эти годы падает поездка Эдгара По в Европу. В своих стихах и рассказах Эдгар По не раз говорит о разных местностях Европы тоном очевидца (напр., в стихотворении «К Занте»). Но никакие документальные данные такой поездки не подтверждают, да и вряд ли у Эдгара По могли быть средства на нее. Вероятно, что эти три года Эдгар По провел в Балтиморе, существуя на скудные пособия Дж. Аллэна, на случайные заработки и пользуясь помощью г-жи Клемм, которая любила юного поэта, как сына, но сама была бедна. К концу этого периода Эдгар По дошел до крайней стесненности, вернее — до подлинной нищеты.

Несомненно, что за эти годы молодой поэт все же много работал. Им был написан ряд новелл — лучших в раннем периоде его творчества. Осенью 1833 г. балтиморский еженедельник «Saturday Visitor» («Субботний Гость») объявил конкурс на лучший рассказ и на лучшее стихотворение. Эдгар По послал на конкурс шесть рассказов и отрывок в стихах «Колисей». Члены жюри, Дж.

Кеннеди, Д. Латроб и Дж. Миллер, единогласно признали лучшими и рассказ, и стихи Эдгара По. Однако, не считая возможным выдать две премии одному лицу, премировали только рассказ «Манускрипт, найденный в бутылке», за который автору и была выдана премия в 100 долларов. Деньги подоспели как раз вовремя. Эдгар По буквально голодал и, когда Кеннеди пригласил его к себе обедать, должен был отказаться за отсутствием мало-мальски приличного костюма…

Весной следующего года, в марте 1834 г., умер Дж. Аллэн, не оставив по завещанию своему приемному сыну ни цента. Но к этому времени Эдгар По уже начал работать в журналах. Сначала он помещал кое-что в «Saturday Visitor»; потом был рекомендован Кеннеди в одно нью-йоркское издание к Томасу Уайту, издававшему в Ричмонде «Southern Literary Messenger» («Южный Литературный Вестник»). В этом последнем журнале Эдгар По стал сотрудничать регулярно, поместив там ряд статей и, между прочим, весной 1835 г., новеллы «Морэлла» и «Береника», а потом «Приключения Ганса Пфалля», имевшие у американской публики огромный успех. Говорят, что при сотрудничестве Эдгара По тираж журнала возрос с 700 до 5000 подписчиков.

Дж. Уайт пригласил Эдгара По редактировать «Вестник» с жалованьем в 10 долларов в неделю. Эдгар По должен был переехать в Ричмонд, но до отъезда пожелал обвенчаться с той Виргинией, которую знал с детства и давно любил. Виргиния во многом была подобна идеальным героиням сказок Эдгара По; красота ее была исключительная. Но летом 1835 г. Виргинии все еще не было полных тринадцати лет (так как она родилась 22 августа 1822 г.). Родственники Эдгара, особенно Нельсон По, о котором уже упоминалось, были против такого брака с девочкой, но Эдгар настаивал, и мистрисс Клемм, мать невесты, приняла его сторону. Эдгар и Виргиния были негласно обвенчаны, но новобрачная осталась в доме матери, и через год (16 мая 1836 г.) церемония венчания была повторена открыто; впрочем, и тогда Виргинии недоставало 3 месяцев до четырнадцати лет.

Новобрачные предполагали жить, вместе с м-с Клемм, в Ричмонде, где у Эдгара По была квартира в доме Уайта. Однако между редактором и издателем неожиданно произошел разрыв, причины которого не вполне выяснены. 3 января 1837 г. Эдгар По сложил с себя обязанности редактора «Вестника», дававшие ему уже 15 долларов в неделю, и в том же месяце уехал с семьей в Нью-

Йорк, как в самый крупный литературный центр Штатов. В Нью-Йорке поэт поселился в жалком домишке (на Carmine-Street), причем м-с Клемм решила там открыть пансион, вернее, просто сдавать жильцам «комнаты со столом».

В Нью-Йорке Эдгар По прожил почти два года. Он сотрудничал в разных изданиях, преимущественно в «American Museum» («Американский Музей»), напечатав за это время несколько из замечательнейших своих поэм и новелл, в том числе и «Лигейю». Отдельно он издал «Приключения Артура Гордона Пима», повесть, прошедшую малозамеченной в Америке, но имевшую большой успех в Англии. Гонорар Эдгара По обычно не превышал 5–6 долларов за рассказ, редко доходя до 10 долларов, так что поэт постоянно нуждался. Любопытно, что наибольший материальный успех выпал на долю составленного Эдгаром По руководства по хронологии, которое, по существу, было почти плагиатом — сокращением и поверхностной переделкой труда одного шотландского профессора: работа была исполнена столь удачно, что переделку покупали предпочтительно перед оригиналом.

В конце 1838 г. Эдгар По с семьей вновь переселился, на этот раз — в Филадельфию, тоже

большой литературный центр, соперничавший с Нью-Йорком. Эдгару По было предложено место редактора, опять с жалованьем в 10 долларов в неделю, со стороны «Gentleman's Magazine» (буквально: «Джентльменский Журнал», т. е. Журнал для читателей избранных, культурных), возникшего только в предыдущем году. В этом издании Эдгар По опять поместил ряд замечательных новелл, в том числе «Падение дома Эшер», и нес все тяготы чисто журнальной работы. Там же в 1840 г. Эдгар По начал печатать «Записки Юлия Родмана», самое крупное (по размерам) свое произведение после «Приключений Артура Пима»; но «Записки» остались незаконченными. Сотрудничал Эдгар По и в других изданиях.

Долго и упорно Эдгар По мечтал основать собственный журнал; даже был уже напечатан проспект о ежемесячнике «Penn Magazine», но издание не осуществилось, конечно, по недостатку средств. С февраля 1841 г. «Gentleman's Magazine» соединился с журналом «The Casket» («Шкатулка») в одно издание под названием «Graham's Magazine» («Журнал Греэма»), руководителем которого остался Эдгар По. В короткое время тираж этого нового журнала достиг значительной цифры в 40 000 экземпляров. Положение Эдгара

По как будто упрочивалось. В конце 1840 г. Эдгар По собрал свои новеллы в отдельном издании, в 2 томах, под заглавием «Гротески и Арабески». В любопытном предисловии к этому изданию Эдгар По защищается от упрека в «германизме», говоря, что «страх», составляющий тему многих рассказов, — явление не «германское», а психическое.

Сравнительное преуспеяние Эдгара По длилось недолго. «Гротески», по издательскому выражению, «не пошли»; «Журнал Греэма» неожиданно распался. Издатель журнала пригласил для работы в редакции Р. Гризвольда, которого Эдгар По имел поводы считать своим личным врагом. Нервность, страстность Эдгара По повела к тому, что он немедленно покинул редакцию, чтобы не возвращаться в нее более. Это произошло в марте 1842 г. После того начались тщетные поиски места и заработка. Эдгару По давали обещания, но не исполняли их; проходили месяцы, скудные сбережения исчерпывались. К несчастью, Эдгар По все чаще уступал болезненному влечению к алкоголю, и его враги пользовались его болезнью, чтобы унизить его. Р. Гризвольд, занявший место Эдгара По в «Журнале Греэма», печатал яростные нападки на поэта. Эдгар По по возможности отвечал, не щадя самолюбия бездарного

стихокропателя. Эта полемика много повредила Эдгару По в литературных кругах.

Не без труда Эдгар По нашел наконец скудную работу в «Saturday Museum» («Субботний Музей»). Между тем гениальные сказки и новеллы поэта, оплачиваемые ничтожным гонораром, 2–3 доллара за страницу, печатались в мелких американских журналах, в том числе «Элеонора», «Колодец и Маятник», «Тайна Марии Роже». Только «Золотой Жук», рукопись которого долго валялась в редакции «Журнала Греэма», доставил автору премию в 100 долларов на конкурсе, который был организован захудалым изданием «The Dollar Newspaper» («Временник в один доллар»). Рассказ был затем перепечатан несчетное число раз, но не принес автору более ничего: законы о печати были тогда в Штатах еще несовершенны. Несколько больший заработок давали публичные лекции, и Эдгар По все чаще стал выступать лектором, пользуясь, между прочим, кафедрой для полемики со своими врагами, особенно с Гризвольдом.

Так просуществовал Эдгар По с семьей годы 1841–1843-й, живя в маленьком домишке в предместье Филадельфии. Но тяжелое испытание подстерегало поэта. У Виргинии, после пения,

лопнул кровеносный сосуд. Несколько дней она была при смерти; потом оправилась, но с тех пор ее жизнь стала медленным умиранием. Кровотечения из горла повторялись и каждый раз грозили смертью. Эдгар По дошел до пределов отчаяния. Он утратил способность работать систематически. Рядом с вином он стал прибегать к опию. Для жены и ее матери то был — ужас; для самого Эдгара — стыд, так как он и сам считал свою болезнь пороком; для литературных врагов — предлог для неистовых обвинений и коварных соболезнований. К 1844 г. Эдгар По с семьей снова дошел до нищеты; они голодали. Положение было таково, что Эдгар По написал письмо Гризвольду, прося ссудить 5 долларов.

В апреле 1844 г. По опять переехал в Нью-Йорк. Издатель местной газеты нажил хорошие деньги, устроив ловкую рекламу рассказу Эдгара По «Перелет через Атлантику», но сам автор получил гроши. В нью-йоркских журналах было напечатано несколько новых новелл Эдгара По, но гонорар едва спасал от голодной смерти. В январе 1845 г. журнал «Evening Mirror» («Вечернее Зеркало») напечатал поэму «Ворон», которую поэт тщетно предлагал в другие издания. За это свое знаменитейшее создание Эдгар По получил 10

долларов. (Позднее, в 1891 г., автограф «Ворона» был продан на аукционе за 225 долларов, а автограф «Колоколов», в 1905 г., за 2100 долларов). Впрочем, успех поэмы был исключительный; о ней много говорили, сам автор мог прочесть несколько лекций о «Вороне» в разных городах; поэта стали приглашать, как знаменитость, в «лучшее» общество Нью-Йорка.

Полоса успеха длилась около года. Благодаря публичным лекциям появились кое-какие деньги. Затем, в том же 1845 г., было выпущено отдельное собрание стихов Эдгара По, «Ворон и другие поэмы», потребовавшее повторения в том же году, а в следующем, 1846-м, переизданное в Англии. Ряд новых новелл Эдгара По был напечатан в разных журналах. Наконец, издатели нового «Brodway Journal» («Бродуейский Журнал») пригласили Эдгара По членом редакции. Последнее, однако, вряд ли послужило поэту на пользу. Он скоро рассорился с соиздателями и отважно принял на одного себя все ведение журнала. Но всего гения поэта, всей той изумительной трудоспособности, которую он умел проявлять по временам, оказалось недостаточно; был нужен капитал, а денег не было. Эдгар По занимал по маленьким суммам, опять обращался к Гризвольду за ссудой

в 50 долларов; но это не могло спасти издание. Уже 25 декабря 1845 г. Эдгар По должен был сложить обязанности редактора.

С 1846 г. возобновилась прежняя бедственная жизнь — жалкие гонорары, скудные доходы с лекций, не всегда удачных, приступы алкоголизма, и все это — рядом с умирающей безумно любимой женой.

Поэт-энтузиаст строил химерические проекты, задумывал грандиозные литературные планы, но все это оставалось мечтами. В ту эпоху у Эдгара По уже были верные друзья: Уиллис, г-жа Осгуд, г-жа Шю и др., которые, сколько могли, помогали поэту. Из воспоминаний этих лиц рисуется мучительная картина жизни Эдгара По в этом году. Сидя у постели угасающей Виргинии, поэт опять не в силах был работать. Денег в доме не было; есть было нечего; зимой не было дров. Эдгар согревал руки больной своим дыханием или клал ей на грудь большую кошку: большего, чтобы защитить Виргинию от холода, он сделать не мог. 30 января 1847 г. Виргиния умерла. Только благодаря помощи г-жи Шю похороны были «приличны», что особенно оценила м-с Клемм.

Последние годы жизни Эдгара По, 1847–1849-й, были годы метаний, порой полубезумия, по-

рой напряженной работы, редких, но шумных успехов, горестных падений и унижений и постоянной клеветы врагов (из коих одного поэт даже привлек к суду). Виргиния, умирая, взяла клятву с г-жи Шю — не покидать Эдди (Эдгара); она и его другие друзья старались удерживать его от неосторожных поступков, но это было нелегко. Эдгар По еще пленялся женщинами, воображал, что вновь любит, была речь о его женитьбе на подруге его юности, Эльмире Райт. В жизни он держал себя странно, вызывая недоумение окружающих. Однако он издал еще несколько гениальных произведений: «Юлалюм». «Колокола», «Аннабель Ли». Он написал также философскую книгу «Эврика», которую считал величайшим откровением, когда-либо данным человечеству.

Но недуг уже разрушал жизнь поэта; припадки алкоголизма становились все мучительнее, нервность возрастала почти до психического расстройства. Г-жа Шю, не умевшая понять болезненного состояния поэта, сочла нужным устраниться из его жизни. Осенью 1849 г. наступил конец. Полный химерических проектов, считая себя вновь женихом, Эдгар По в сентябре этого года с большим успехом читал в Ричмонде лекцию о «Поэтическом принципе». Из Ричмонда

Эдгар По выехал, имея 1500 долларов в кармане. Что затем произошло, осталось тайной. Может быть, поэт подпал под влияние своей болезни; может быть, грабители усыпили его наркотиком. Эдгара По нашли на полу в бессознательном состоянии, ограбленным. Поэта привезли в Балтимор, где Эдгар По и умер в больнице 7 октября 1849 г.

По собственному распоряжению Эдгара По редактором посмертного издания его сочинений был избран Р. Гризвольд. Это роковым образом предопределило посмертную судьбу поэта на долгие десятилетия. В память ближайших поколений, благодаря заботам Гризвольда, Эдгар По вошел как полусумасшедший пьяница, автор занимательных, но диких и извращенных произведений. Медленно, очень медленно стараниями истинных ценителей творчества Эдгара По удавалось изменять такое предвзятое мнение. Только в конце XIX и в начале XX века была восстановлена в документально обоснованных биографиях подлинная судьба поэта, составлено действительно полное собрание его сочинений и дана возможность читателям правильно судить о величайшем из поэтов новой Америки.

Валерий Брюсов

Лирика 1821–1849 гг.

1821–1827 гг.
Озеро

*К****

Меня, на утре жизни, влек
В просторном мире уголок,
Что я любил, любил до дна!
Была прекрасна тишина
Угрюмых вод и черных скал,
Что бор торжественный обстал.

Когда же Ночь, царица снов,
На все бросала свой покров
И ветр таинственный в тени
Роптал мелодию: усни! —
Я пробуждался вдруг мечтой
Для ужаса страны пустой.

Но этот ужас не был страх,
Был трепетный восторг в мечтах:
Не выразить его полней
За пышный блеск Голконды всей,

За дар Любви – хотя б твоей!

Но Смерть скрывалась там, в волнах
Тлетворных, был в них саркофаг —
Для всех, кто стал искать бы там
Покоя одиноким снам,
Кто скорбной грезой – мрачный край
Преобразил бы в светлый рай.

Вечерняя звезда

Был полдень в июне
И полночь в ночи;
С орбит своих звезды
Бледно лили лучи
Сквозь холодные светы
Царицы Луны.
Она была – в небе,
Блеск на гребнях волны.

Дышал я бесплодно
Улыбкой холодной, —
Холодной слишком – для меня!
Ее диск туманный,

Как саван обманный,
Проплыл, – и обернулся я
К Звезде Вечерней…
О, как размерней
Ласкает красота твоя!
Мечте так милы,
Полные силы,
Сверканья твои с вышины.
Пью, умиленный,
Твой огонь удаленный,
А не бледные блики Луны.

Сон

В виденьях темноты ночной
Мне снились радости, что были;
Но грезы жизни, сон денной,
Мне сжали сердце – и разбили.
О, почему не правда дня —
Сны ночи тем, чей взгляд
В лучах небесного огня
Былое видеть рад!

О сон святой! – о сон святой! —
Шум просыпался в мире тесном,
Но в жизнь я шел, ведом тобой,
Как некий дух лучом чудесным.
Пусть этот луч меж туч, сквозь муть,
Трепещет иногда, —
Что ярче озарит нам путь,
Чем Истины звезда!

Гимн Гармодию и Аристогетону
Подражание греческому

Под миртами меч я укрою в свой срок,
Подобно героям старинным,
Что в сердце тирану вонзили клинок,
Возвращая свободу Афинам.

Любимые тени! Бессмертны вы там,
Где все, кто по славе нам ведом,
В Элисии бродят по белым цветам,
Где пирует Ахилл с Диомедом.

Свежим миртом копье я укрою, как

встарь
Гармодий, храбрый и славный,
Когда окропил он священный алтарь
Тиранниии кровью державной.

Вы, с Афин и с их мраморов смывшие стыд,
Вы, отмстители древней свободы,
Для веков без конца ваша слава звенит,
Умащенная звуками оды!

Имитация

Сумрак неизмеримый
Гордости неукротимой,
Тайна, да сон, да бред:
Это – жизнь моих ранних лет.
Этот сон был всегда тревожим
Чем-то диким, на мысль похожим
Существ, что были в былом.
Но разум, окованный сном,
Не знал, предо мной прошли ли
Тени неведомой были.

Да не примет никто в дар наследий
Видений, вставáвших в бреде,
Что я тщетно старался стряхнуть,
Что, как чара, давили грудь!
Оправдались надежды едва ли;
Все же те времена миновали,
Но навек я утратил покой
На земле, чтоб дышать тоской.
Что ж! пусть канет он дымом летучим,
Лишь бы с бредом, чем был я мучим!

Духи смерти

И будет дух твой одинок.
Под серым камнем сон глубок, —
И никого – из всех из нас,
Кто б разгадал твой тайный час!

Пусть дух молчание хранит:
Ты одинок, но не забыт,
Те Духи Смерти, что с тобой
Витали в жизни, – и теперь

Витают в смерти. Смутный строй
Тебя хранит; их власти верь!
Ночь – хоть светла – нахмурит взор,
Не побледнеет звезд собор
На тронах Неба, но мерцаньем
Вновь звать не будет к упованьям;
Их алые круги тебе
Напомнят о твоей судьбе,
Как бред, как жар, как боль стыда,
С тобой сроднятся навсегда.
Вот – мысли, что ты не схоронишь;
Виденья, что ты не прогонишь
Из духа своего вовек,
Что не спадут, как воды рек

Вздох Бога, дальний ветер – тих;
Туманы на холмах седых,
Как тень – как тень, – храня свой мрак,
Являют символ или знак,
Висят на ветках не случайно…
О, тайна тайн! О, Смерти тайна!

Песня

Я помню: ты в день брачный твой,
Как от стыда, зарделась вдруг,
Хоть счастье было пред тобой,
И, весь любовь, мир цвел вокруг.

Лучистый блеск в твоих очах
(Что́ ни таила ты)
Был – все, что на земле, в мечтах,
Есть выше красоты!

Быть может, девичьим стыдом
Румянец был, – как знать! —
Но пламенем он вспыхнул в том,
Кто мог его понять,

Кто знал тебя в день брачный твой,
Когда могла ты вспыхнуть вдруг,
Хоть счастье было пред тобой,
И, весь любовь, мир цвел вокруг.

Счастливейший день

Счастливейший день! – счастливейший час! —
Что сердце усталое знало!
Вы, гордые грезы! надежды на власть!
Все, все миновало.

Надежды на власть! – Да! я помню: об том
(Мне память былое приводит)
Мечтал я когда-то во сне молодом…
Но пусть их проходят!

И гордые грезы? – Теперь мне – что в них!
Пусть яд их был мною усвоен,
Но пусть он палит ныне темя других.
Мой дух! будь спокоен.

Счастливейший день! – счастливейший час! —
Что сердце усталое знало,
Вы, гордые взгляды! вы, взгляды на

власть!
Все, все миновало.

Но если бы снова и взяли вы верх,
Но с бредом мученья былого, —
Вас, миги надежд, я отверг бы, отверг,
Чтоб не мучиться снова!

Летите вы с пеньем, но гибель и страх
Змеится, как отблеск, по перьям,
И каплет с них яд, сожигающий в прах
Того, кто вас принял с доверьем.

1828–1829 гг.
Введение

Романс! ты любишь петь, качаясь,
Глаза закрыв, крылья смежив,
В зеленых ветках старых ив,
Что спят, над озером склоняясь.
Мне был знаком тот милый край,
Где жил ты, пестрый попугай! —
Ты азбуке учил ребенка,
Твой голос повторял я звонко,
Блуждая в чаще без конца,
Дитя, с глазами мудреца.

Что грозы тропиков, настали
Года, где петь не стало сил,
Где бледных молний бороздил
Зигзаг разорванные дали;
Он, с громом, в небе обнажал
Мрак беспросветный, как провал;
Но тот же мрак, в каймах лучистых,
Жег крылья молний серебристых.

Ленив я с детства был, любил
Вино, читал Анакреона, —
Но в легких строфах находил
Я зовы страсти затаенной.
Алхимии мечты – дано
Веселье превращать в страданья,
Наивность – в дикие желанья,
Игру – в любовь, в огонь – вино!
Так, юн, но здрав умом едва ли,
Я стал любовником печали,
Привык тревожить свой покой,
Томиться призрачной тоской.
Я мог любить лишь там, где грозно
Дышала Смерть над Красотой,
Где брачный факел «Рок» и «Поздно»
Вздымали между ней и мной.

А после вечный Кондор лет
Потряс все небо слишком властно
Шумящей бурей гроз и бед;
Под твердью мрачной и ненастной
Я забывал, что я – поэт.
Когда ж он с крыльев, в день спокойный,

Ронял мне в сердце светлый пух,
Все ж нежно петь не смел я вслух,

Не обретал я лиры стройной:
Для песни и душа должна
Созвучной быть с тобой, струна!

Но ныне все прошло бесследно!
Печаль и Слава – отошли,
Мрак разрешился в сумрак бледный,
Огни чуть теплятся вдали.
Глубок во мне был омут страсти,
Но хмель на дне оставил муть;
Кто у Безумства был во власти,
Тот жаждет одного – уснуть:
Храню одно из всех пристрастий, —
В Мечте навеки отдохнуть!

Да! но мечты подобных мне – заране
Осуждены рассеяться в тумане.
Но я клянусь, что я страдал один,
Искал живые, нежащие звуки,
Чтоб вырвать миг у тягостных годин,
Пока еще все радости, все муки

Не скрыты ранним инеем седин,
Пока бесенок лет, с лукавым взглядом,
Не мог в сознаньи спутать все черты,
И Старость белая не стала рядом,
Взор отвратив от вымыслов мечты.

Сонет к науке

Наука! ты – дитя Седых Времен!
Меняя все вниманьем глаз прозрачных,
Зачем тревожишь ты поэта сон,
О коршун! крылья чьи – взмах истин мрачных!

Тебя любить? и мудрой счесть тебя?
Зачем же ты мертвишь его усилья,
Когда, алмазы неба возлюбя,
Он мчится ввысь, раскинув смело крылья!

Дианы ко́ней кто остановил?
Кто из леса изгнал Гамадриаду,
Услав искать приюта меж светил?

Кто выхватил из лона вод Наяду?

Из веток Эльфа? Кто бред летних грез,
Меж тамарисов, от меня унес?

Прежняя жизнь предо мной…

*К****

Прежняя жизнь предо мной
Предстает, – что и верно, – мечтой;
Уж я не грежу бессонно
О жребии Наполеона,
Не ищу, озираясь окрест,
Судьбы в сочетании звезд.

Но, мой друг, для тебя, на прощанье,
Одно я сберег признанье:
Были и есть существа,
О ком сознаю я едва,
Во сне предо мной прошли ли
Тени неведомой были.
Все ж навек мной утрачен покой, —
Днем ли, – во тьме ль ночной, —
На яву ль, – в бреду ль, —
все равно ведь;

Мне душу к скорби готовить!

Стою у бурных вод,
Кругом гроза растет;
Хранит моя рука
Горсть зернышек песка;
Как мало! как спешат
Меж пальцев все назад!

Надежды? Нет их, нет!
Блистательно, как свет
Зарниц, погасли вдруг...
Так мне пройти, мой друг!

Столь юным? – О, не верь!
Я – юн, но не теперь.
Все скажут: я – гордец.
Кто скажет так, тот – лжец!
И сердце от стыда
Стучит во мне, когда
Все то, чем я томим,
Клеймят клеймом таким!
Я – стоик? Нет! Тебе
Клянусь: и в злой судьбе

Восторг «страдать» – смешон!
Он – бледен, скуден – он!
Не ученик Зенона —
Я. Нет! – Но – выше стона!

Мечты

О! будь вся юность – лишь единый сон,
Так, чтобы дух проснулся, пробужден
Лучами Вечности, как мы – денницы,
Будь этот сон – страданье без границы, —
Его все ж предпочел бы, чем коснеть
В реальности, тот, кто привык терпеть,
Чье сердце было и пребудет страстно —
Мук хаосом здесь, на земле прекрасной!

Но был ли б этот, в долгой темноте
Прошедший, сон похож на грезы те,
Какими в детстве был я счастлив? – (Ибо
Небес прекрасней ждать сны не мог-

ли бы!)

При летнем солнце я тонул в мечтах
О Красоте и о живых лучах;
Я сердце отдал, с жаром неустанным,
Моей фантазии далеким странам
И существам, что сотворил я сам…
Что, большее, могло предстать мечтам?

То было раз, – лишь раз, – но из сознанья
Не выйдет этот миг! – Очарованье
Иль чья-то власть гнели меня; льдяной
Во тьме дышал ли ветер надо мной,
В моем уме свой облик оставляя?
Луна ль звала, над сном моим пылая,
Холодной слишком? – звезды ль? – только тот
Миг был, как ветер ночи (да пройдет!),
Я счастлив был – пусть в грезах сна пустого!
Я счастлив был – в мечтах! —
Люблю я слово

«Мечта»! В ее стоцветной ворожбе,
Как в мутной, зыбкой, призрачной борьбе
С реальностью видений, той, что вещий
Бред создает, – прекраснейшие вещи
Любви и рая есть, что мне сродни,
Но чем не да́рят юношества дни!

Мне в юности знаком был некто…

Как часто мы забываем время, когда в одиночестве созерцаем трон Вселенной, – ее леса, ее пустыни, ее горы, – мощный ответ, даваемый Природой нашему сознанию.

I

Мне в юности знаком был некто, кто
С землей был в тайной связи, как она с ним, —
С рожденья, в блеске дня и в красоте;
В нем пылко-зыбкий факел жизни – чер-

пал
Свой свет от солнца и от звезд, из них
Огни, себе родные, извлекая.
Но этот мощный дух знал – (не в часы
Своих пыланий) – власть свою над ними.

II

Быть может, мысль мою мог увести
К порывам ярким свет луны сходящей,
Но верить я готов, что этот свет
Властней, чем нам об этом повествуют
Науки дней былых, и что (будь то
Лишь невещественная сущность мысли)
Он волшебством живительным кропит
Нас, как роса ночная, летом, травы.

III

Она ль влияет в час, когда (как глаз,
Что ширится при виде милом) спавший
Сном косным, вдруг, – слеза в очах, – дрожит?
А между тем, таиться ей зачем бы
При нашей яви? но что́ здесь, при нас
Все время, – лишь тогда колдует странным
Созвучьем, как разбитой арфы стон,
И будит нас. – То – символ и страница

IV

Того, что мы найдем в иных мирах,
Что́ в красоте дарует бог наш тем лишь,
Кто иначе лишился бы небес
И жизни, их в бреду страстей утратив;
А также зов – высокий зов к душе,

Боровшейся не с верой, с благочестьем,
Чей трон с отчаянья повержен в прах, —
Венча́нной чувств огнем, как диадемой.

Страна фей

Сядь, Изабель, сядь близ меня,
Где лунный луч скользит играя,
Волшебней и прекрасней дня.
Вот – твой наряд достоин рая!
Двузвездьем глаз твоих я пьян!
Душе твой вздох как небо дан!
Тебе взвил кудри отблеск лунный,
Как ветерок цветы в июне.
Сядь здесь! – Кто нас привел к луне?
Иль, дорогая, мы – во сне?

Огромный был цветок в саду
(Для вас он роза), – на звезду
В созвездьи Пса похож; колеблем
Полночным ветром, дерзко стеблем
Меня хлестнул он, что есть сил,

Живому существу подобен,
Так, что, невольно гневно-злобен,
Цветок надменный я сломил, —
Неблагодарности отмстил, —
И лепестки взвил ветер бурный,
Но в небе вдруг, в просвет лазурный.
Взошла из облаков луна,
Всегда гармонии полна.

Есть волшебство в луче том
(Ты поклялась мне в этом!)
Как фантастичен он, —
Спирален, удлинен;
Дробясь в ковре зеленом,
Он травы полнит звоном.
У нас все знать должны,
Что бледный луч луны,
Пройдя в щель занавески,
Рисуя арабески,
И в сердце темноты
Горя в любой пылинке,
Как в мошке, как в росинке, —
Сон счастья с высоты!

Когда ж наступит день?
Ночь, Изабель, и тень
Страшны, полны чудес,
И тучевидный лес,

Чьи формы брезжут странно
В слепых слезах тумана.
Бессмертных лун чреда, —
Всегда, – всегда, – всегда, —
Меняя мутно вид,
Ущерб на диск, – бежит,
Бежит, – улыбкой бледной
Свет звезд гася победно.

Одна по небосклону
Нисходит – на корону
Горы, к ее престолу
Центр клонит, – долу, – долу, —
Как будто в этот срок
Наш сон глубок – глубок!
Туман огромной сферы,
Как некий плащ без меры,
Спадает в глубь долин, —

На выступы руин, —
На скалы, – водопады, —
(Безмолвные каскады!) —
На странность слов, – о горе! —
На море, ах! на море!

Альбомные стихи
I
К ручью

Живой ручей! как ясен ты,
Твой бег лучами вышит,
Твой блеск – эмблема красоты,
Души, открытой тайнам чувств,
Привольной прихоти искусств,
Чем дочь Альберто дышит.

Когда она глядит в тебя,
Дрожишь ты, многоводен,
И, детский лик волной дробя,
Со мной, ручей, ты сходен;
Как ты, вбираю я в себя
Ее черты глубоко,

И я, как ты, дрожу, дробя
Души взыскующее око!

II
К***

Та роща, где, в мечтах, – чудесней
Эдемских, – птицы без числа:
Твои уста! и все те песни:
Слова, что́ ты произнесла!

На небе сердца, – горе! горе! —
Нещадно жгуч твой каждый взгляд!
И их огни, как звезды – море,
Мой дух отравленный палят.

Ты, всюду – ты! Куда ни ступишь!
Я в сон спешу, чтоб видеть сны:
О правде, что́ ничем не купишь,
И о безумствах, что даны!

III

К***

Не жду, чтоб мой земной удел
Был чужд земного тленья;
Года любви я б не хотел
Забыть в бреду мгновенья.

И плачу я не над судьбой
Своей, с проклятьем схожей:
Над тем, что ты грустишь со мной,
Со мной, кто лишь прохожий.

1830–1831 гг.
К Елене

Елена! Красота твоя —
Никейский челн дней отдаленных,
Что мчал меж зыбей благовонных
Бродяг, блужданьем утомленных,
В родимые края!

В морях Скорбей я был томим,
Но гиацинтовые пряди
Над бледным обликом твоим,
Твой голос, свойственный Наяде,
Меня вернули к снам родным:
К прекрасной навсегда Элладе
И к твоему величью, Рим!

В окне, что светит в мрак ночной,
Как статуя, ты предо мной
Вздымаешь лампу из агата.
Психея! край твой был когда-то
Обетованною страной!

Долина Ниса

Так далеко, так далеко,
Что конца не видит око,
Дол простерт живым ковром
На Востоке золотом.
То, что там ласкает око,
Все – далеко! ах, далеко!

Этот дол – долина Ниса.
Миф о доле сохранился
Меж сирийцев (темен он:
Смысл веками охранен);
Миф – о дроте Сатаны,
Миф – о крыльях Серафимов,
О сердцах, тоской дробимых,
О скорбях, что суждены,
Ибо кратко – «Нис», а длинно —
«Беспокойная долина».

Прежде мирный дол здесь был,
Где никто, никто не жил.

Люди на войну ушли;
Звезды с хитрыми очами,
Лики с мудрыми лучами,
Тайну трав здесь берегли;
Ими солнца луч, багрян,
Дмился, приласкав тюльпан,
Но потом лучи белели
В колыбели асфоделей.

Кто несчастен, знает ныне:
Нет покоя в той долине!

Елена! Как твои глаза,
Фиалки смотрят в небеса;
И, над могилой, тучных трав
Роняют стебли сок отрав;
За каплей капля, вдоль ствола
Сползает едкая смола;
Деревья, мрачны и усталы,
Дрожат, как волны, встретя шквалы,
Как волны у седых Гебрид;
И облаков покров скользит
По небу, о́бъятому страхом;

И ветры вопль ведут над прахом,
И рушат тучи, как каскады,
Над изгородью дымов ада;
Пугает ночью серп луны
Неверным светом с вышины,
И солнце днем дрожит в тоске
По всем холмам и вдалеке.

Страна фей

Мгла долов – тень по кручам —
Лес, подобный тучам,
Чьи формы брезжут странно
В слепых слезах тумана.
Бессмертных лун чреда, —
Всегда, – всегда, – всегда, —
Меняя мутно вид,
Ущерб на диск, – бежит, —
Бежит, – улыбкой бледной
Свет звезд гася победно.

И, в полночь по луне, —
Одна, туманней всех

(Не та ль, что в вышине
Всех дольше длила бег),
Нисходит – долу – долу —
Свой центр клоня к престолу
Горы, на снег вершин,
Туман огромной сферы
Скрывает, – плащ без меры, —
Сон хижин и руин,
И лес на всем просторе,
И море, – о! и море!
Всех духов, что скользят,
Все существа, что спят,
Вбирая полно их
В лабиринт лучей своих,
Как будто в этот срок
Их сон глубок, – глубок!

Им вскроет день глаза,
И лунный их покров
Взлетит на небеса
С тяжелым севом гроз:
Он стал – цепь облаков
Иль желтый альбатрос,

И та же днем луна
Им больше не нужна,
Как одеянье тайны —
(Но как все чрезвычайно!)
А атомы луны
Днем в дождь разрешены;
Не их ли мотыльки,

Когда летят, легки,
В лазурь, ах! для паденья
(Вовек без достиженья),
Во образе пыльцы
Приносят образцы!

Осужденный город

Смотри! Там Смерть воздвигла трон.
Где старый город погружен
На дымном Западе в свой сон,
Где добрый и злой, герой и злодей
Давно сошли в страну теней.

Дворцы, палаты, башни – там
Так чужды нашим городам!

Не взносят наши свой убор
Так адски сумрачно в простор!
Не дрогнет строй промшенных башен;
Не тронет ветер с моря – пашен;
И воды, в забытьи немом,
Покоются печальным сном.
Все те же – только небеса,
Где звезд блистают диадемы;
Взор дев равняем с ними все мы,
Но там! там женские глаза
Столь горестны, что их сравненье
С звездой – сошло б за оскорбленье!

Там ни единый луч с высот
Над долгой ночью не блеснет.
Лишь блеск угрюмых, скорбных вод
Струится молчаливо к крышам,
Змеится по зубцам и выше,
По тронам, – брошенным беседкам, —
Изваянным цветам и веткам, —
По храмам, – башням, – по палатам, —
По Вавилону – сродным скатам, —
Там, где святилищ длинный ряд,

Где, фризом сплетены, висят
Фиалки, – маски, – виноград.

Открытых храмов и гробов
Зияет строй у берегов,
Но все сокровища дворцов,
Глаза алмазные богов,
И пышный мертвецов убор —
Волны не взманят: нем простор.
И дрожь, увы! не шелохнет
Стеклянную поверхность вод.
Кто скажет: есть моря счастливей,
Где ветер буйствует в порыве!
С тенями слиты, башни те
Висят как будто в пустоте,
А с башни, что уходит в твердь,
Как Исполин, вглубь смотрит Смерть.

Но что же! воздух задрожал;
Зыбь на воде, – поднялся вал,
Как будто, канув в глубину,
Те башни двинули волну,
И крыши башен на лету

Создали в небе пустоту.
Теперь на водах – отблеск алый,
Часы – бессильны и усталы;
Когда ж, под грозный гул, во тьму,
Во глубь, во глубь весь город канет,
С бесчетных тронов Ад восстанет
С приветствием ему,
И Смерть в страну у знойных вод
Свой грозный трон перенесет.

Айрина

Поет луна, звезда колдуний:
– Вот полночь в сладостном Июне.
Рой снов крылатых с высоты
Сомлел на веках Красоты,
Иль на челе ее ведет
В старинных масках хоровод,
И в локоны, что зыбко свисли,
Он впутал облики и мысли.

Дурманный пар наитий, мглистый,
Плывет от кроны золотистой.

Высь башен тает, чтоб уснуть,
Туманом окружая грудь,
Как Лета (видишь!), дремлют воды
Сознательно в тиши природы,
Чтоб не проснуться годы, годы!
Вдыхает розмарин могила;
На волнах лилия почила;
И ели, там и сям, в тумане,
Чуть зыблясь, шепчут песню, пьяны,
Дубам хмельным, но одиноким,
Склоненным к пропастям глубоким.
Вкусила Красота покой,
Раскрыв окно на мир ночной.
Айрина спит – с своей судьбой.

Лучи ей на ухо поют:
«Прекрасная! зачем ты тут?
Твой странен вид, – странны ресницы, —
Твой странен локон, что́ змеится.
Ты, чрез моря, пришла откуда,
Дубам суровым нашим – чудо?
Чем ветер мнил тебе служить,

Окно спеша на мглу открыть,
Чтоб, сквозь него, тебе напели
Твой сон хмельной напевы елей,
Качая пурпур балдахина,
Как знамя, над тобой, Айрина?
Прекрасная! проснись! проснись!
Во имя господа проснись!
О странно, странно, как, взрастая
И тая, ждет здесь тень цветная!»

Айрина спит. Спать мертвым тоже,
Пока любивших горе гложет.
Дух в летаргии длит молчанье,
Пока в слезах – Воспоминанье.
Но вот – две-три недели минут;
Улыбки с уст унынье сдвинут.
Дух, оскорблен, стряхнув истому,
Прочь реет, к озеру былому,
Где, меж друзей, он, в дни былые,
Купался в голубой стихии;
Там из травы, никем не смятой,
Плетет венок, но ароматы
С чела прозрачного ветрам

Поют (внемлите тем словам!):
«Увы! увы!» – Тоской объятый,
Дух ищет прежние следы
В спокойной ясности воды;
Их не найдя, летит в бездонность,
В неведомую углубленность.

Айрина спит. О, если б сон
Глубок мог быть, как долог он!
О! только б червь не всполз на ложе!
Тогда, – о, помоги ей, боже! —
Пусть навсегда сон снидет к ней,
И спальня станет тем святей,
А одр – печальный мавзолей!
Пусть где-то в роще, древней, темной,
Над ней восстанет свод огромный,
Тот склеп, в чьи двери из металла
Она, дитя, кремни метала,
Привыкнув тешиться, ребенком,
Их отзвуком чугунно-звонким,
Те двери (вход иного мира),
Что, словно два крыла вампира,
Вскрывались грозно, в глубь свою

Вбирая всю ее семью!

Пэан

Как реквием читать – о смех! —
Как петь нам гимн святой!
Той, что была прекрасней всех
И самой молодой!

Друзья глядят, как на мечту,
В гробу на лик святой,
И шепчут: «О! Как красоту
Бесчестить нам слезой?»

Они любили прелесть в ней,
Но гордость кляли вслух.
Настала смерть. Они сильней
Любить посмели вдруг.

Мне говорят (а между тем
Болтает вся семья),
Что голос мой ослаб совсем,
Что петь не должен я

И что мой голос, полн былым,

Быть должен, в лад скорбей,
Столь горестным – столь горестным, —
Что тяжко станет ей.

Она пошла за небосклон,
Надежду увела;
Я все ж любовью опьянен
К той, кто моей была!

К той, кто лежит, – прах лучших грез,
Еще прекрасный прах!
Жизнь в золоте ее волос,
Но смерть, но смерть в очах.

Я в гроб стучусь, – упорно бью,
И стуки те звучат
Везде! везде! – и песнь мою
Сопровождают в лад.

В Июне дней ты умерла,
Прекрасной слишком? – Нет!
Не слишком рано ты ушла,
И гимн мой буйно спет.

Не только от земли отторг

Тебя тот край чудес:
Ты видишь больше, чем восторг
Пред тронами небес!

Петь реквием я не хочу
В такую ночь, – о нет!
Но твой полет я облегчу
Пэаном древних лет!

1833 г.
Колисей

Лик Рима древнего! Ковчег богатый
Высоких созерцаний, Временам
Завещанных веками слав и силы!
Вот совершилось! – После стольких дней
Скитаний тяжких и палящей жажды —
(Жажды ключей познанья, что в тебе!)
Склоняюсь я, унижен, изменен,
Среди твоих теней, вбирая в душу
Твое величье, славу и печаль.

Безмерность! Древность! Память о былом!
Молчанье! Безутешность! Ночь глухая!
Вас ныне чувствую, – вас, в вашей силе! —
Нет, в Гефсимании царь Иудейский
Столь правым чарам не учил вовек!

У мирных звезд халдей обвороженный
Столь властных чар не вырывал вовек!

Где пал герой, здесь падает колонна!
Где золотой орел блистал в триумфе,
Здесь шабаш ночью правит нетопырь!
Где римских дам позолоченный волос
Качался с ветром, здесь – полынь, волчцы!
Где золотой вздымался трон монарха,
Скользит, как призрак, в мраморный свой дом,
Озарена лучом луны двурогой,
Безмолвно, быстро ящерица скал.

Но нет! те стены, – арки те в плюще, —
Те плиты, – грустно-черные колонны, —
Пустые глыбы, – рухнувшие фризы, —
Карнизов ряд, – развалины, – руины, —
Те камни, – ах, седые! – это ль все,
Все, что́ от славы, все, что́ от колосса
Оставили Часы – Судьбе и мне?

«Не все, вещает Эхо, нет, не все!

Пророческий и мощный стон исходит

Всегда от нас, от наших глыб, и мудрым

Тот внятен стон, как гимн Мемнона к Солнцу:

Мы властны над сердцами сильных, властны

Самодержавно над душой великих.

Мы не бессильны, – мы, седые камни, —

Не вся иссякла власть, не все величье, —

Не вся волшебность нашей гордой славы, —

Не вся чудесность, бывшая вкруг нас, —

Не вся таинственность, что в нас была, —

Не все воспоминанья, что висят

Над нами, к нам приникнув, как одежда,

Нас облекая в плащ, что выше Славы!»

1835 г.
Одной в раю

В твоем все было взоре,
О чем грустят мечты:
Была ты – остров в море,
Алтарь во храме – ты,
Цветы в лесном просторе,
И все – мои цветы!

Но сон был слишком нежен,
И длиться он не мог,
Конец был неизбежен!
Зов будущего строг:
«Вперед!» – но дух, мятежен,
Над сном, что был так нежен,
Ждет – медлит – изнемог.

Увы! – вся жизнь – в тумане,
Не будет больше нег.

«Навек, – навек, – навек!»
(Так волны в океане

Поют, свершая бег.)
Орел, убит, не встанет,
Дуб срублен, дровосек!

Все дни мои – как сказки,
И снами ночь живет:
Твои мне блещут глазки,
Твой легкий шаг поет, —
В какой эфирной пляске
У итальянских вод.

Ты в даль морей пространных
Плывешь, меня забыв,
Для радостей обманных,
Для грез, чей облик лжив,
От наших стран туманных,
От серебристых ив.

Гимн

Зарей, – днем, – в вечера глухие, —
Мой гимн ты слышала, Мария!
В добре и зле, в беде и счастьи,
Целенье мне – твое участье!

Когда часы огнем светали,
И облака не тмили далей,
Чтоб не блуждать, как пилигрим,
Я шел к тебе, я шел к твоим.
Вот бури Рока рушат явно
Мое «теперь», мое «недавно»,
Но «завтра», веруют мечты,
Разгонят мрак – твои и ты!

К Марии [К Ф.]

Любимая! меж всех уныний,
Что вкруг меня сбирает Рок
(О, грустный путь, где средь полыни
Вовек не расцветет цветок),
Я все ж душой не одинок:
Мысль о тебе творит в пустыне
Эдем, в котором мир – глубок.

Так! память о тебе – и в горе,
Как некий остров меж зыбей,
Волшебный остров в бурном море,
В пучине той, где на просторе

Бушуют волны все сильней, —
Все ж небо, с благостью во взоре,
На остров льет поток лучей.

В альбом
[Френсис Сарджент Осгуд]

Ты хочешь быть любимой? – Верь
Тому пути, которым шла.
Будь только то, что ты теперь,
Не будь ничем, чем не была.

Так мил твой взор, так строен вид,
Так выше всех ты красотой,
Что не хвалить тебя – то стыд,
Любить – лишь долг простой.

1836 г.
Израфели[2]

Есть дух небесных келий,
«Чье сердце – лютни стон».
Нигде в мирах не пели
Нежней, чем Израфели;
Все звезды онемели,
Молчали, в сладком хмеле,
Едва запел им он.

Грезя в высоте,
Вся любви полна,
Покраснев, луна
Звуки те
Ловит через темь;
Быстрые Плеяды
(Коих было семь)
С ней полны услады.

И шепчут, в сладком хмеле,

---

[2] Примечания: 2
…И ангел Израфели, чье сердце — лютня и чей голос — нежней, чем голоса всех других созданий бога (Коран).

Хор звезд, все духи в мире,
Что сила Израфели —
В его напевной лире;
И он вверяет струнам,
Всегда живым и юным,
Чудесный гимн в эфире.

Но ангел – гость лазури,
Где строй раздумий – строг,
Любовь – предвечный бог;
И взоры светлых Гурий
Полны той красотой,
Что светит нам – звездой.

Да, там, в лазури ясной,
Ты прав, о Израфели,
Презрев напев бесстрастный.
Наш лавр, бард светлокудрый,
Прими, как самый мудрый!
Живи среди веселий!

С экстазами эфира
Твои согласны звуки.
Страсть, радость, скорбь и муки —

Слиты с палящей лирой.
Молчите, духи мира!

Лазурь – твоя! у нас
Тоска, несовершенство;
Здесь розы, – не алмаз;
Тень твоего блаженства
Наш самый яркий час.

Когда б я жил,
Где Израфели,
Он, – где мне Рок судил,
Быть может, струны б не звенели
Его мелодией веселий,
Но смелей бы полетели
Звуки струн моих до области светил.

1837 г.
К Занте

Ты взял, прекрасный остров, меж цветов

Нежнейшее из всех названий нежных!

Как много будит пламенных часов

В мечтаньях вид холмов твоих прибрежных!

Как много сцен – каких блаженств былых,

Как много грез – надежд похороненных,

И ликов той, что не мелькнет на склонах,

Вовек не промелькнет в лесах твоих.

«Вовек!» – о звук магически-печальный,

Все изменяющий! и ты – вовек

Не будешь мил, о, остров погребальный!

Кляну цветы вдоль тихоструйных рек,

Край гиацинтовый! пурпурный Занте!

Isola d'oro, fior di Levante!

Свадебная баллада

Обручена кольцом,
Вдыхая ладан синий,
С гирляндой над лицом,
В алмазах, под венцом, —
Не счастлива ль я ныне!

Мой муж в меня влюблен…
Но помню вечер синий,
Когда мне клялся он:
Как похоронный звон
Звучала речь, как стон
Того, кто пал, сражен, —
Того, кто счастлив ныне.

Смягчил он горечь слез
Моих в тот вечер синий;
Меня (не бред ли грез?)
На кладбище отнес,
Где мертвецу, меж роз,
Шепнула я вопрос:

«Не счастлива ль я ныне?»

Я поклялась в ответ
Ему, в тот вечер синий.
Пусть мне надежды нет,
Пусть веры в сердце нет,
Вот – апельсинный цвет:
Не счастлива ль я ныне?

О, будь мне суждено
Длить сон и вечер синий!
Все ужасом полно
Пред тем, что свершено.
О! тот, кто мертв давно,
Не будет счастлив ныне!

1838 г.
Непокойный замок

В той долине изумрудной,
Где лишь ангелы скользят,
Замок дивный, замок чудный
Вырос – много лет назад!
Дух Царицы Мысли веял
В царстве том.
Серафим вовек не реял
Над прекраснейшим дворцом!

Там на башне, – пурпур, злато, —
Гордо вились знамена.
(Это было – все – когда-то,
Ах, в былые времена!)
Каждый ветра вздох, чуть внятный
В тихом сне,
Мчался дальше, ароматный,
По украшенной стене.

В той долине идеальной
Путник в окна различал

Духов, в пляске музыкальной
Обходивших круглый зал,
Мысли трон Порфирородной, —
А Она
Пела с лютней благородной
Гимн, лучом озарена.

Лаллом, жемчугом горела
Дверь прекрасного дворца:
Сквозь – все пело, пело, пело
Эхо гимна без конца;
Пело, славя без границы,
Эхо, ты —
Мудрость вещую Царицы,
В звуках дивной красоты.

Но, одеты власяницей,
Беды вторглись во дворец.
(Плачьте! – солнце над Царицей
Не затеплит свой венец!)
И над замком чудным, славным,
В царстве том,
Память лишь о стародавнем,

Слух неясный о былом.

В той долине путник ныне
В красных окнах видит строй
Диких призраков пустыни,
В пляске спутанно-слепой,
А сквозь двери сонм бессвязный,
Суетясь,
Рвется буйный, безобразный,
Хохоча, – но не смеясь!

Червь победитель

Смотри! огни во мраке блещут
(О, ночь последних лет!).
В театре ангелы трепещут,
Глядя из тьмы на свет,
Следя в слезах за пантомимой
Надежд и вечных бед.
Как стон, звучит оркестр незримый:
То – музыка планет.

Актеров сонм, – подобье бога, —
Бормочет, говорит,

Туда, сюда летит с тревогой, —
Мир кукольный, спешит.
Безликий некто правит ими,
Меняет сцены вид,
И с кондоровых крыл, незримый,
Проклятие струит.

Нелепый фарс! – но невозможно
Не помнить мимов тех,
Что гонятся за Тенью, с ложной
Надеждой на успех,
Что, обегая круг напрасный,
Идут назад, под смех!
В нем ужас царствует, в нем властны
Безумие и Грех.

Но что за образ, весь кровавый,
Меж мимами ползет?
За сцену тянутся суставы,
Он движется вперед,
Все дальше, – дальше, – пожирая
Играющих, и вот
Театр рыдает, созерцая

В крови ужасный рот.

Но гаснет, гаснет свет упорный!
Над трепетной толпой
Вниз занавес спадает черный,
Как буря роковой.
И ангелы, бледны и прямы,
Кричат, плащ скинув свой,
Что «Человек» – названье драмы,
Что «Червь» – ее герой!

1840 г.
Молчание

Есть свойства, бестелесные явленья,
С двойною жизнью; тип их с давних лет, —
Та двойственность, что поражает зренье:
То – тень и сущность, вещество и свет.

Есть два молчанья, берега́ и море,
Душа и тело. Властвует одно
В тиши. Спокойно нежное, оно
Воспоминаний и познанья горе

Таит в себе, и «больше никогда»
Зовут его. Телесное молчанье,
Оно бессильно, не страшись вреда!

Но если встретишь эльфа без названья, —
Молчанья тень, в пустынях без следа,
Где человек не должен ставить ногу,

Знай: все покончено! предайся богу!

1842 г.
Линор

Расколот золотой сосуд, и даль душе открыта!

Лишь тело тут, а дух несут, несут струи Коцита.

А! Ги де Вир! рыдай теперь, теперь иль никогда!

Твоя Линор смежила взор, – в гробу, и навсегда!

Обряд творите похорон, запойте гимн святой,

Печальный гимн былых времен о жертве молодой,

О той, что дважды умерла, скончавшись молодой!

«Лжецы! вы в ней любили прах, но гордость кляли в ней!

Когда в ней стебель жизни чах, вы были с ней нежней.

Так как же вам творить обряд, как

петь вам гимн святой?

Не ваш ли взгляд, недобрый взгляд, не вы ли клеветой

Невинность в гроб свели навек, – о! слишком молодой!»

Peccavimus. Но наших уз не отягчай! звучит

Пусть грустный звон, но пусть и он ее не огорчит.

Линор идет, – «ушла вперед», – с Надеждой навсегда.

Душа темна, с тобой она не будет никогда, —

Она, дитя прекрасных грез, что ныне

тихий прах.

Жизнь веет в золоте волос, но смерть

в ее очах...

Еще есть жизнь в руне волос, но только смерть в очах.

«Прочь! в эту ночь светла душа! Не плакать мне о ней!

Меж ангелов пою, спеша, пэан далеких дней.

Пусть звон молчит, пусть не смутит,

в ее мечтах, вдали,

Ту, что плывет к лучам высот от про́клятой земли,

К друзьям на зов, от всех врагов

(и сон земной исчез)!

Из ада ввысь несись, несись – к сиянию небес,

Из мглы, где стон, туда, где трон властителя небес!»

1844 г.
Страна снов

Тропой темной, одинокой,
Где лишь духов блещет око,
Там, где ночью черный трон
(Этим Идолом) взнесен,
Я достиг, недавно, сонный,
Граней Фуле отдаленной,
И божественной, и странной, дикой области, взнесенной
Вне Пространств и вне Времен.

Бездонный дол, безмерности потока,
Пещеры, бездны, странные леса;
На облики, каких не знало око,
Что миг, то каплет едкая роса.
Горы рушатся всечасно
В океан без берегов,
Что валы вздымает властно
До горящих облаков.
Озер просторы, странно полноводных,

Безмерность вод, – и мертвых, и холодных,

Недвижность вод, – застывших в мгле бессилий

Под снегом наклоненных лилий.

Там близ озер, безмерно полноводных,

Близ мертвых вод, – и мертвых, и холодных, —

Близ тихих вод, застывших в мгле бессилий

Под снегом наклоненных лилий, —

Там близ гор, – близ рек, бегущих,

Тихо льющих, век поющих; —

Близ лесов и близ болот,

Где лишь водный гад живет;

Близ прудов и близ озер,

Где колдуний блещет взор;

В каждом месте погребальном,

В каждом уголку печальном,

Встретит, в ужасе немом,

Путник – Думы о былом, —

Формы, в саванах унылых,

Формы в белом, тени милых,
Что идут со стоном там,
В агонии, предаваясь и Земле и Небесам!

Для сердец, чья скорбь безмерна,
Это – край услады верной,
Для умов, что сумрак Ада
Знают, это – Эль-Дорадо!
Но, в стране теней скользя,
Обозреть ее – нельзя!
Тайн ее вовек, вовек
Не познает человек;
Царь ее не разрешит,
Чтоб был смертный взор открыт;
Чье б скорбное Сознанье там ни шло,
Оно все видит в дымное стекло.

Тропкой темной, одинокой,
Где лишь духов блещет око,
Из страны, где Ночью – трон
(Этим Идолом) взнесен,
Я вернулся, утомленный,
С граней Фуле отдаленной.

Ворон

Как-то в полночь, в час унылый, я вникал, устав, без силы,

Меж томов старинных, в строки рассужденья одного

По отвергнутой науке, и расслышал смутно звуки,

Вдруг у двери словно стуки, – стук у входа моего.

«Это – гость, – пробормотал я, – там, у входа моего.

Гость, – и больше ничего!»

Ах! мне помнится так ясно: был декабрь и день ненастный,

Был как призрак – отсвет красный от камина моего.

Ждал зари я в нетерпеньи, в книгах тщетно утешенье

Я искал в ту ночь мученья, – бденья ночь,

без той, кого

Звали здесь Линор. То имя… Шепчут
ангелы его,
На земле же – нет его.

Шелковистый и не резкий, шорох алой занавески
Мучил, полнил темным страхом, что не знал я до того.
Чтоб смирить в себе биенья сердца, долго в утешенье
Я твердил: «То – посещенье просто
друга одного».
Повторял: «То – посещенье просто
друга одного,
Друга, – больше ничего!»

Наконец, владея волей, я сказал, не медля боле:
«Сэр иль Мистрисс, извините, что молчал я
до того.
Дело в том, что задремал я, и не сразу расслыхал я,
Слабый стук не разобрал я, стук у входа моего».

Говоря, открыл я настежь двери дома моего.

Тьма, – и больше ничего.

И, смотря во мрак глубокий, долго ждал я, одинокий,

Полный грез, что ведать смертным не давалось до того!

Все безмолвно было снова, тьма вокруг была сурова,

Раздалось одно лишь слово: шепчут ангелы его.

Я шепнул: «Линор», и эхо – повторило мне его,

Эхо, – больше ничего.

Лишь вернулся я несмело (вся душа во мне горела),

Вскоре вновь я стук расслышал, но ясней,

чем до того.

Но сказал я: «Это ставней ветер зыблет своенравней,

Он и вызвал страх недавний, ветер,

только и всего,

Будь спокойно, сердце! Это – ветер,

только и всего.

Ветер, – больше ничего!»

Растворил свое окно я, и влетел во глубь покоя

Статный, древний Ворон, шумом крыльев славя торжество.

Поклониться не хотел он; не колеблясь, полетел он,

Словно лорд иль лэди, сел он, сел у входа моего,

Там, на белый бюст Паллады, сел у входа моего,

Сел, – и больше ничего.

Я с улыбкой мог дивиться, как эбеновая птица,

В строгой важности – сурова и горда была тогда.

«Ты, – сказал я, – лыс и черен, но не робок и упорен,

Древний, мрачный Ворон, странник с берегов, где ночь всегда!

Как же царственно ты прозван у Плу-

тона?» Он тогда

Каркнул: «Больше никогда!»

Птица ясно прокричала, изумив меня сначала.

Было в крике смысла мало, и слова

не шли сюда.

Но не всем благословенье было – ведать посещенье

Птицы, что над входом сядет, величава и горда,

Что на белом бюсте сядет, чернокрыла и горда,

С кличкой «Больше никогда!»

Одинокий, Ворон черный, сев на бюст, бросал, упорный,

Лишь два слова, словно душу вылил в них

он навсегда.

Их твердя, он словно стынул, ни одним пером не двинул,

Наконец, я птице кинул: «Раньше скрылись

без следа

Все друзья; ты завтра сгинешь безнадежно!..» Он тогда

Каркнул: «Больше никогда!»

Вздрогнул я, в волненьи мрачном, при ответе столь удачном.

«Это – все, – сказал я, – видно, что он знает, жив года

С бедняком, кого терзали беспощадные печали,

Гнали вдаль и дальше гнали неудачи и нужда.

К песням скорби о надеждах лишь один припев нужда

Знала: „никогда!“»

Я с улыбкой мог дивиться, как глядит мне в душу птица.

Быстро кресло подкатил я, против птицы,

сел туда:

Прижимаясь к мягкой ткани, развивал я цепь мечтаний,

Сны за снами; как в тумане, думал я:

«Он жил года,

Что ж пророчит, вещий, тощий, живший в старые года,

Криком: „больше никогда?“»

Это думал я с тревогой, но не смел шепнуть

ни слога

Птице, чьи глаза палили сердце мне огнем тогда.

Это думал и иное, прислонясь челом в покое

К бархату; мы, прежде, двое так сидели иногда…

Ах! при лампе, не склоняться ей на бархат иногда

Больше, больше никогда!

И, казалось, клубы дыма льет курильница незримо,

Шаг чуть слышен серафима, с ней вошедшего сюда.

«Бедный! – я вскричал, – то богом послан отдых всем тревогам,

Отдых, мир! чтоб хоть немного ты вкусил забвенье, – да?

Пей! о, пей тот сладкий отдых! позабудь Линор, – о, да?»

Ворон: «Больше никогда!»

«Вещий, – я вскричал, – зачем он прибыл, птица или демон?

Искусителем ли послан, бурей пригнан ли сюда?

Я не пал, хоть полн уныний! В этой за́клятой пустыне,

Здесь, где правит ужас ныне, отвечай, молю, когда

В Галааде мир найду я? обрету бальзам когда?»

Ворон: «Больше никогда!»

«Вещий, – я вскричал, – зачем он прибыл, птица или демон?

Ради неба, что над нами, часа страшного суда,

Отвечай душе печальной: я в раю, в отчизне дальной,

Встречу ль образ идеальный, что меж ангелов всегда?

Ту мою Линор, чье имя шепчут ангелы

всегда?»

Ворон: «Больше никогда!»

«Это слово – знак разлуки! – крикнул я, ломая руки.

Возвратись в края, где мрачно плещет Стиксова вода!

Не оставь здесь перьев черных, как следов

от слов позорных!

Не хочу друзей тлетворных! С бюста – прочь, и навсегда!

Прочь – из сердца клюв, и с двери – прочь виденье навсегда!»

Ворон: «Больше никогда!»

И, как будто с бюстом слит он, все сидит он, все сидит он,

Там, над входом, Ворон черный, с белым бюстом слит всегда!

Светом лампы озаренный, смотрит, словно демон сонный.

Тень ложится удлиненно, на полу лежит года, —

И душе не встать из тени, пусть идут,

идут года, —
Знаю, – больше никогда!

1845 г.
Спящая

То было полночью, в Июне,
В дни чарованья полнолуний;
И усыпляюще-росистый
Шел пар от чаши золотистой,
За каплей капля, ниспадал
На мирные вершины скал
И музыкально, и беспечно
Струился по долине вечной.
Вдыхала розмарин могила;
На водах лилия почила;
Туманом окружая грудь,
Руина жаждала – уснуть;
Как Лета (видишь?) дремлют воды,
Сознательно, в тиши природы,
Чтоб не проснуться годы, годы!
Вкусила красота покой…
Раскрыв окно на мир ночной,
Айрина спит с своей Судьбой.

Прекрасная! о, почему
Окно открыто в ночь и тьму?
Напев насмешливый, с ракит,
Смеясь, к тебе в окно скользит, —
Бесплотный рой, колдуний рой
И здесь, и там, и над тобой;
Они качают торопливо,
То прихотливо, то пугливо,
Закрытый, с бахромой, альков,
Где ты вкусила негу снов;
И вдоль стены, и на полу
Трепещет тень, смущая мглу.

Ты не проснешься? не ужаснешься?
Каким ты грезам отдаешься?
Ты приплыла ль из-за морей
Дивиться зелени полей?
Наряд твой странен! Ты бледна!
Но как твоя коса пышна!
Как величава тишина!

Айрина спит. О, если б сон
Глубок мог быть, как долог он!

Храни, о небо, этот сон!
Да будет святость в этой спальне!
Нет ложа на земле печальней.
О Боже, помоги же ей
Не открывать своих очей,
Пока скользит рой злых теней.

Моя Любовь, спи! Если б сон
Стал вечным так, как долог он!
Червь, не тревожь, вползая, сон!
Пусть где-то в роще, древней, темной,
Над ней восстанет свод огромный,
Свод черной и глухой гробницы,
Что раскрывал, как крылья птицы,
Торжественно врата свои
Над трауром ее семьи, —
Далекий, одинокий вход,
Та дверь, в какую, без забот,
Метала камни ты, ребенком, —
Дверь склепа, с отголоском звонким,
Чье эхо не разбудишь вновь
(Дитя греха! моя любовь!),
Дрожа, заслыша долгий звон:

Не мертвых ли то слышен стон?

Юлэлей

Я жил один,
В стране кручин
(В душе был озерный покой).
Но нежная стала Юлэлей моей
стыдливой женой,
Златокудрая стала Юлэлей моей
счастливой женой!

Темней, ах, темней
Звезды ночей,
Чем очи любимицы грез!
И легкий туман,
Луной осиян,
С переливами перлов и роз,
Не сравнится с небрежною прядью – скромной Юлэлей волос,
Не сравнится с случайною прядью – огнеокой Юлэлей волос.

Сомнений и бед

С поры этой нет,
Ибо вместе мы с этих пор,
И ярко днем
Озаряет лучом
Нам Астарта небесный простор,
И милая взводит Юлэлей к ней материнский свой взор,
И юная взводит Юлэлей к ней свой фиалковый взор!

Город на море

Смотри! Смерть там воздвигла трон,
Где странный город погружен,
На дымном Западе, в свой сон.
Где добрый и злой, герой и злодей
Давно сошли в страну теней.
Дворцы, палаты, башни там
(Ряд, чуждых дрожи, мшистых башен)
Так чужды нашим городам!
Не тронет ветер с моря – пашен;
И воды, в забытьи немом,
Покоятся печальным сном.

Луч солнца со святых высот
Там ночи долгой не прервет;
Но тусклый блеск угрюмых вод
Струится молча ввысь, на крыши
Змеится по зубцам, и выше,
По храмам, – башням, – по палатам, —
По Вавилону – сродным скатам, —

Тенистым, брошенным беседкам, —
Изваянным цветам и веткам,
Где дивных капищ ряд и ряд,
Где, фризом сплетены, висят —
Глазки, – фиалки, – виноград.

Вода, в унынии немом,
Покоится покорным сном;
С тенями слиты, башни те
Как будто виснут в пустоте;
А с башни, что уходит в твердь,
Как Исполин, вглубь смотрит Смерть.

Глубь саркофагов, капищ вход
Зияют над мерцаньем вод;
Но все сокровища дворцов,

Глаза алмазные богов,
И пышный мертвецов убор —
Волны не взманят: нем простор.
И дрожь, увы! не шелохнет
Стеклянную поверхность вод.
Кто скажет: есть моря счастливей,
Где вихри буйствуют в порыве,
Что бури есть над глубиной
Не столь чудовищно немой!

Но что же! Воздух задрожал!
Встает волна, – поднялся вал!
Как будто, канув в глубину,
Те башни двинули волну,
Как будто крыши на лету
Создали в небе пустоту!
Теперь на водах – отблеск алый, —
Часы – бессильны и усталы, —
Когда ж под грозный гул во тьму,
Во глубь, во глубь, весь город канет, —
С бесчестных тронов ад восстанет,
С приветствием ему!

Беспокойная долина

Прежде мирный дол здесь был,
Где никто, никто не жил;
Люди на войну ушли,
Звездам вверив волю пашен,
Чтоб в ночи, с лазурных башен,
Тайну трав те стерегли.
Где, лениво скрыт в тюльпаны,
Днем спал солнца луч багряный.
Видит каждый путник ныне:
Нет покоя в той пустыне.
Все – в движеньи, все – дрожит,
Кроме воздуха, что спит
Над магической пустыней.

Здесь ветра нет; но в дрожи лес,
Волна волне бежит вразрез,
Как в море у седых Гебрид.
А! ветра нет, но вдаль бежит
Туч грозовых строй в тверди странной,

С утра до ночи, – непрестанно,
Над сонмом фиалок, что стремят
Ввысь лики, словно женский взгляд,
И лилий, что дрожат, сплетясь
У плит могил в живую вязь,
Дрожат, – и с куп их, что́ слеза,
По каплям вниз течет роса;
Дрожат; – что́ слезы, вниз, меж тем,
Спадают капли крупных гемм.

1846 г.
Валентина

Фантазия – для той, чей взор огнистый – тайна!

(При нем нам кажется, что звезды Леды – дым).

Здесь встретиться дано, как будто бы случайно,

В огне моих стихов, ей с именем своим.

Кто всмотрится в слова, тот обретет в них чудо:

Да, талисман живой! да, дивный амулет!

Хочу на сердце я его носить! Повсюду

Ищите же! Стихи таят в себе ответ.

О, горе, позабыть хоть слог один. Награда

Тогда потеряна. А между тем дана

Не тайна Гордия: рубить мечом не надо!

Нет! С крайней жаждою вникайте в

письмена!

Страница, что теперь твой взор, горящий светом,

Обходит медленно, уже таит в стихах

Три слова сладостных, знакомых всем поэтам,

Поэта имя то, великое в веках!

И пусть обманчивы всегда все буквы (больно

Сознаться), ах, пусть лгут, как Мендес Фердинанд, —

Синоним истины тут звуки!.. Но довольно.

Вам не понять ее, – гирлянда из гирлянд.

1847 г.
Юлалюм

Скорбь и пепел был цвет небосвода,
Листья сухи и в форме секир,
Листья скрючены в форме секир.
Моего незабвенного года
Был октябрь, и был сумрачен мир.
То был край, где спят Обера воды,
То был дымно-туманный Уир, —
Лес, где озера Обера воды,
Ведьм любимая область – Уир.

Кипарисов аллеей, как странник,
Там я шел с Психеей вдвоем,
Я с душою своей шел вдвоем,
Мрачной думы измученный странник.
Реки мыслей катились огнем,
Словно лава катилась огнем,
Словно серные реки, что Яник
Льет у полюса в сне ледяном,
Что на северном полюсе Яник

Со стоном льет подо льдом.

Разговор наш был – скорбь без исхода,
Каждый помысл – как взмахи секир,
Память срезана взмахом секир:
Мы не помнили месяца года
(Ах, меж годами страшного года!),
Мы забыли, что в сумраке мир,
Что поблизости Обера воды
(Хоть когда-то входили в Уир!),
Что здесь озера Обера воды,
Лес и область колдуний – Уир!

Дали делались бледны и серы,
И заря была явно близка,
По кадрану созвездий – близка,
Пар прозрачный вставал, полня сферы,
Озаряя тропу и луга;
Вне его полумесяц Ашеры
Странно поднял двойные рога,
Полумесяц алмазной Ашеры
Четко поднял двойные рога.

Я сказал: «Он нежнее Дианы.

Он на скорбных эфирных путях,
Веселится на скорбных путях.
Он увидел в сердцах наших раны,
Наши слезы на бледных щеках;
Он зовет нас в волшебные страны,
Сквозь созвездие Льва в небесах —
К миру Леты влечет в небесах.
Он возходит в блаженные страны
И нас манит, с любовью в очах,
Мимо логова Льва, сквозь туманы,
Манит к свету с любовью в очах».

Но, поднявши палец, Психея
Прошептала: «Он странен вдали!
Я не верю звезде, что вдали!
О спешим! о бежим! о скорее!
О бежим, чтоб бежать мы могли!»
Говорила, дрожа и бледнея,
Уронив свои крылья в пыли,
В агонии рыдала, бледнея
И влача свои крылья в пыли,
Безнадежно влача их в пыли.

Я сказал: «Это – только мечтанье!
Дай идти нам в дрожащем огне,
Искупаться в кристальном огне.
Так, в сибиллином этом сияньи,
Красота и надежда на дне!
Посмотри! Свет плывет к вышине!
О, уверуем в это мерцанье
И ему отдадимся вполне!
Да, уверуем в это мерцанье
И за ним возлетим к вышине,
Через ночь – к золотой вышине!»

И Психею, – шепча, – целовал я,
Успокаивал дрожь ее дум,
Побеждал недоверие дум,
И свой путь с ней вдвоем продолжал я.
Но внезапно, высок и угрюм,
Саркофаг, и высок и угрюм,
С эпитафией дверь – увидал я.
И, невольно, смущен и угрюм,
«Что за надпись над дверью?» сказал я.
Мне в ответ: «Юлалюм! Юлалюм!
То – могила твоей Юлалюм!»

Стало сердце – скорбь без исхода,
Каждый помысл – как взмахи секир,
Память – грозные взмахи секир.
Я вскричал: «Помню прошлого года
Эту ночь, этот месяц, весь мир!
Помню: я же, с тоской без исхода,
Ношу страшную внес в этот мир
(Ночь ночей того страшного года!).
Что за демон привел нас в Уир!
Так! то – мрачного Обера воды,
То – всегда туманный Уир!
Топь и озера Обера воды,
Лес и область колдуний – Уир!»

Энигма

«Сыскать, – так молвил Соломон Дурак, —
Нам нелегко в сонете пол-идеи.
И чрез пустое видим мы яснее,
Чем рыбин чрез неапольский колпак.

Суета сует! Он не под силу дамам,

И все ж, ах! рифм Петрарки тяжелей.
Из филина пух легкий, ветер, взвей, —
И будет он, наверно, тем же самым».

Наверняка тот Соломон был прав;
Смысл невелик лирических забав, —
Что колпаки иль пузыри из мыла!

Но за сонетом у меня есть сила,
Бессмертен мой, как будто темный, стих:
Я имя поместил в словах моих!

К Марии-Луизе (Шю)

Из всех, кто близость чтут твою, как утро,
Кому твое отсутствие – как ночь,
Затменье полное на тверди вышней
Святого солнца, кто, рыдая, славят
Тебя за все, за жизнь и за надежду,
За воскресенье веры погребенной
В людей, и в истину, и в добродетель,
Кто на Отчаянья проклятом ложе

Лежали, умирая, и восстали,

Твой нежный зов познав: «Да будет свет»,

Твой нежный зов заслышав, воплощенный

В блеск серафический твоих очей, —

Кто так тебе обязан, что подобна

Их благодарность обожанью, – вспомни

О самом верном, преданном всех больше,

И знай, что набросал он эти строки,

Он, кто дрожит, их выводя, при мысли,

Что дух его был с ангельским в общеньи.

1848 г.
Звон
I

Внемлешь санок тонким звонам,

Звонам серебра?

Что за мир веселий предвещает их игра!

Внемлем звонам, звонам, звонам

В льдистом воздухе ночном,

Под звездистым небосклоном,

В свете тысяч искр, зажженном

Кристаллическим огнем, —

С ритмом верным, верным, верным,

Словно строфы саг размерным,

С перезвякиваньем мягким, с сонным отзывом времен,

Звон, звон, звон, звон, звон, звон, звон,

Звон, звон, звон,

Бубенцов скользящих санок многозвучный перезвон!

II

Свадебному внемлешь звону,

Золотому звону?

Что за мир восторгов он вещает небосклону!

В воздухе душистом ночи

Он о радостях пророчит;

Нити золота литого,

За волной волну,

Льет он в лоно сна ночного,

Так, чтоб горлинки спросонок, умиленные, немели,

Глядя на луну!

Как из этих фейных келий

Брызжет в звонкой эвфонии перепевно песнь веселий!

Упоен, унесен

В даль времен

Этой песней мир под звон!

Про восторг вещает он.

Тех касаний,
Колыханий,
Что рождает звон,
Звон, звон, звон, звон, звон,
Звон, звон, звон,
Ритм гармоний в перезвоне, —
звон, звон, звон!

III

Слышишь злой набата звон,
Медный звон?
Что за сказку нам про ужас
повествует он!
Прямо в слух дрожащей ночи
Что за трепет он пророчит?
Слишком в страхе, чтоб сказать,
Может лишь кричать, кричать.
В безразмерном звоне том
Все отчаянье взыванья пред безжалостным огнем,
Все безумье состязанья с яростным, глухим огнем,

Что стремится выше, выше,
Безнадежной жаждой дышит,
Слился в помысле одном,
Никогда, иль ныне, ныне,
Вознестись к луне прозрачной, долететь
до тверди синей!
Звон, звон, звон, звон, звон, звон, звон,
Что за повесть воет он
Об отчаяньи немом!
Как он воет, вопит, стонет,
Как надежды он хоронит
В темном воздухе ночном!
Ухо знает, узнает
В этом звоне,
В этом стоне:
То огонь встает, то ждет;
Ухо слышит и следит
В этом стоне,
Перезвоне:
То огонь грозит, то спит.
Возрастаньем, замираньем все вещает

гневный звон,

Медный звон,

Звон, звон, звон, звон, звон, звон, звон,

Звон, звон, звон,

Полный воем, полный стоном, исступленьем полный звон.

IV

Похоронный слышишь звон,

Звон железный?

Что за мир торжеств унылых заключает он!

Как в молчаньи ночи

Дрожью нас обнять он хочет,

Голося глухой угрозой под раскрытой звездной бездной!

Каждый выброшенный звук,

Словно хриплый голос мук,

Это – стон.

И невольно, ах! невольно,

Кто под башней колокольной

Одиноко тянут дни,

Звон бросая похоронный,
В монотонность погруженный,
Горды тем, что богомольно
Камень на-сердце другому навалили и они.
Там не люди и не звери, —
Нет мужчин и женщин, где стоит звонарь:
Это – демоны поверий,
Звон ведет – их царь.
Он заводит звон,
Вопит, вопит, вопит он
Гимн-пэан колоколов,
Сам восторгом упоен
Под пэан колоколов.
Вопит он, скакать готов,
В ритме верном, верном, верном,
Словно строфы саг размерном
Под пэан колоколов
И под звон;
Вопит, пляшет в ритме верном,
Словно строфы саг размерном,

В лад сердцам колоколов,
Под их стоны, под их звон,
Звон, звон, звон;
Вопит, пляшет в ритме верном,
Звон бросая похорон
Старых саг стихом размерным;
Колокол бросая в звон,
В звон, звон, звон,
Под рыданья, стоны, звон,
Звон, звон, звон, звон, звон,
Звон, звон, звон
Под стенящий, под гудящий похоронный звон.

Елене

Тебя я видел раз, лишь раз; шли годы;
Сказать не смею сколько, но немного.
То был Июль и полночь; и от полной
Луны, что, как твоя душа, блуждая,
Искала путь прямой по небесам, —
Сребристо-шелковым покровом света,

Спокойствие, и зной, и сон спадали
На поднятые лики тысяч роз,
В саду волшебном выросших, где ветер
Смел пробегать на цыпочках едва, —
На поднятые лица роз спадали,
Струивших, как ответ на свет любовный
В безумной смерти, аромат души, —
На лица роз спадали, что смеялись
И умирали в том саду, заклятом
Тобой и чарой близости твоей.

Одетой в белом, на ковре фиалок,
Тебя лежащей видел я; свет лунный
Скользил на поднятые лица роз
И на твое, – ах! поднятое с грустью.

Была ль Судьба – та полночь, тот Июль,
Была ль Судьба (что именуют Скорбью),
Что повелела мне у входа медлить,
Вдыхая ароматы сонных роз?
Ни шага вкруг; проклятый мир – дре-

мал,

Лишь ты и я не спали (боже! небо!

Как бьется сердце, единя два слова).

Лишь ты и я не спали. Я смотрел,

И в миг единый все вокруг исчезло

(О, не забудь, что сад был тот – волшебный!),

Луны погасли перловые блестки,

Скамьи из моха, спутанные тропки,

Счастливые цветы, деревья в грусти, —

Все, все исчезло; даже запах роз

В объятьях ароматных вздохов умер.

Исчезло все, – осталась ты, – нет, меньше,

Чем ты: лишь дивный свет – очей твоих,

Душа твоих взведенных ввысь очей.

Лишь их я видел: то был – весь мой мир;

Лишь их я видел; все часы лишь их,

Лишь их, пока луна не закатилась.

О, сколько страшных сказок сердца

было
Написано на тех кристальных сферах!
Что за тоска! Но что за упованья!
И что за море гордости безмолвной!
Отважной гордости, и несравненной
Глубокой силы роковой Любви!

Вот, наконец, Диана, наклоняясь
На запад, стерла грозовые тучи;
Ты, призрак, меж деревьев, осенявших
Тебя, исчезла. Лишь глаза остались,
Не уходили, – не ушли вовек,
Мне освещая одинокий к дому
Мой путь, светили (как надежды) – вечно.
Они со мной ведут меня сквозь годы,
Мне служат, между тем я сам – их раб;
Их дело – обещать, воспламенять
Мой долг; спасаем, я, их ярким блеском,
Их электрическим огнем очищен,
Я освещен огнем их елисейским.

Мне наполняя душу Красотой

(Она ж – Надежда), светят в небе – звезды,

Что на коленях чту в ночных томленьях;

Но вижу их и в полном блеске полдня,

Всегда их вижу, – блещущие нежно

Венеры две, что не затмит и солнце.

Марии-Луизе (Шю)

Тому недавно, тот, кто это пишет,

В безумной гордости своим сознаньем,

«Власть слов» поддерживая, отрицал,

Чтоб мысль могла в мозгу у человека

Родиться, не вмещаемая словом.

И вот, на похвальбу, в насмешку словно,

Два слова, – два чужих двусложья нежных,

По звуку итальянских, – тех, что шепчут

Лишь ангелы, в росе мечтая лунной,

«Что цепью перлов на Гермоне виснет», —

Из самых глубей сердца извлекли

Безмысленные мысли, души мыслей,

Богаче, строже, дивней, чем виденья,

Что Израфели, с арфой серафим

(Чей «глас нежней, чем всех созданий божьих»),

Извлечь бы мог! А я! Разбиты чары!

Рука дрожит, и падает перо.

О нежном имени, – хоть ты велела, —

Писать нет сил; нет сил сказать, помыслить,

Увы! нет сил и чувствовать! Не чувство —

Застыть в недвижности на золотом

Пороге у открытой двери снов,

Смотря в экстазе в чудные покои,

И содрогаться, видя, справа, слева,

Везде, на протяженьи всей дороги,

В дыму пурпурном, далеко, куда

Лишь достигает взор, – одну тебя!

1849 г.
Аннабель Ли

Много лет, много лет прошло
У моря, на крае земли.
Я девушку знал, я ее назову
Именем Аннабель Ли,
И жила она только одной мечтой —
О моей и своей любви.

Я ребенок был, и ребенок она,
У моря на крае земли,
Но любили любовью, что больше любви,
Мы, и я и Аннабель Ли!
Серафимы крылатые с выси небес
Не завидовать нам не могли!

Потому-то (давно, много лет назад,
У моря на крае земли)
Холоден, жгуч, ветер из туч
Вдруг дохнул на Аннабель Ли,
И родня ее, знатная, к нам снизошла,

И куда-то ее унесли,
От меня унесли, положили во склеп,
У моря, на крае земли.

Вполовину, как мы, серафимы небес
Блаженными быть не могли!
О да! потому-то (что ведали все
У моря на крае земли)
Полночью злой вихрь ледяной
Охватил и убил мою Аннабель Ли!

Но больше была та любовь, чем у тех,
Кто пережить нас могли,
Кто мудростью нас превзошли,
И ни ангелы неба, – никогда, никогда! —
Ни демоны с края земли
Разлучить не могли мою душу с душой
Прекрасной Аннабель Ли!

И с лучами луны нисходят сны
О прекрасной Аннабель Ли,
И в звездах небеса горят, как глаза
Прекрасной Аннабель Ли,
И всю ночь, и всю ночь не уйду я прочь,

Я все с милой, я с ней, я с женой моей,
Я – в могиле, у края земли,
Во склепе приморской земли.

Моей матери

И ангелы, спеша в просторах рая
Слова любви друг другу прошептать,
Признаньями огнистыми сжигая,
Названья не найдут нежней, чем: «мать».

Вот почему и вас так звал всегда я:
Вы были больше для меня, чем мать,
Вы в душу душ вошли, – с тех пор, как, тая,
Виргиния взнеслась, чтоб отдыхать!

Моя родная мать скончалась рано,
Она – мне жизнь дала, вы дали – той,
Кого любил я нежно и безгранно.

Вы более мне стали дорогой
Так бесконечно, как в священной дрожи,

Душе – она, чем жизнь своя дороже.

К Энни

Слава небу! был кризис, —
Опасность прошла
С болезнью, что грызла,
Что медленно жгла,
Та, что названа «Жизнью»,
Лихорадка прошла.

Грустно я знаю,
Что нет больше сил;
Мне и членом не двинуть,
Я лежу, я застыл;
Ну так что же! Мне лучше,
Когда я застыл.

Я покоюсь так мирно,
В постели простерт,
Что тот, кто посмотрит,
Подумает: мертв, —
Задрожит, меня видя,
Подумав: он – мертв.

Стенанья, страданья,
Вздохи, рыданья —
Утихли вдруг,
И сердца жестокий,
Ужасный, глубокий,
Сердца стук.

Болезнь, и тошноты,
И муки – прошли.
Лихорадки исчезли,
Что череп мой жгли;
Те, что названы «Жизнью»,
Лихорадки прошли.

И о! из всех пыток,
Что была всех сильней,
Успокоилась жажда
В груди моей,
Та жгучая жажда
Проклятых страстей:
Я глотнул; и погас он,
Нефтяной ручей!

Я глотнул чистой влаги,

Что катилась, журча,
Струилась так близко
Под ногой, из ключа, —
Из земли, в неглубокой
Пещере ключа.

И о! никогда пусть
Не подскажет вам хмель,
Что темно в моей келье,
Что узка в ней постель.
Разве люди в иную
Ложатся постель?
Чтобы спать, лишь в такую
Должно лечь постель.

Рассудок мой – Та́нтал —
В ней исполнен грез,
Забыл, не жалеет
О прелести роз,
О волненьях при виде
Мирт и роз.

Теперь, когда спит он,
И покой так глубок,

Святей ему дышит
Анютин глазок;
Аромат здесь он слышит
Твой, Анютин глазок!
Розмарин здесь, и рута,
И Анютин глазок.

Так, я счастлив в постели
Дыханием грез
И прелестью Энни,
Омытый в купели
Ароматных волос —
Прекрасной Энни.

Поцелуем согретый,
Лаской нежим, – на грудь
Преклонился я к Энни.
Чтоб тихо уснуть, —
Ей на грудь, словно в небо,
Чтоб глубоко уснуть.

Свет погашен; покрыт я,
Постель тепла.
Энни ангелов молит,

Да хранят ото зла,
Да хранит их царица
Меня ото зла.

И лежу я спокойно,
В постели простерт,
Любовь ее зная,
А вы скажете: мертв!
Я покоюсь так мирно,
В постели простерт,
Любовью согретый,
А вам кажется: мертв!
Вы, увидя, дрожите,
Подумав: мертв!

И ярче сердце,
Чем на небе звезды
Ночью весенней
В нем светит Энни!
Горит разогрето,
Любовию Энни,
И мыслью и светом
Глаз моей Энни!

Эль-Дорадо

Он на коне,
В стальной броне;
В лучах и тенях Ада,
Песнь на устах,
В днях и годах
Искал он Эль-Дорадо.

И стал он сед
От долгих лет,
На сердце – тени Ада.
Искал года,
Но нет следа
Страны той – Эль-Дорадо.

И он устал,
В степи упал…
Предстала Тень из Ада,
И он, без сил,
Ее спросил:
«О Тень, где Эль-Дорадо?»

«На склоны чер–[3]
ных Лунных гор
Пройди, – где тени Ада!»
В ответ Она:
«Во мгле без дна —
Для смелых – Эль-Дорадо!»

[3] Примечания: 3

Эль-Дорадо. Впервые напечатано в «Flag of our Union», 1849 г. В переводе сохранена особенность подлинника: разделение одного слова между двумя стихами (более обычная в поэзии античной).

Посмертные
Сон во сне

В лоб тебя целую я,
И позволь мне, уходя,
Прошептать, печаль тая:
Ты была права вполне, —
Дни мои прошли во сне!
Упованье было сном;
Все равно, во мгле иль днем,
В дымном призраке иль нет,
Но оно прошло, как бред.
Все, что в мире зримо мне
Или мнится, – сон во сне.

Стою у бурных вод,
Кругом гроза растет;
Хранит моя рука
Горсть зернышек песка.
Как мало! Как скользят
Меж пальцев все назад…
И я в слезах, – в слезах:

О боже! как в руках
Сжать золотистый прах?
Пусть будет хоть одно
Зерно сохранено!
Все ль то, что зримо мне
Иль мнится, – сон во сне?

Леонени

«Леонени» – имя дали серафимы ей,
Свет звезды лучистой взяли для ее очей,
Взял мрак ночей безлунных для волос глубокорунных,
И меня при песнях струнных обручили с ней.

Это было ночью лета, и мои мечты
Расцвели лучом привета, как цветут цветы,
Расцвели, забыв ненастье и опять поверив в счастье,
Чтобы глубже мог упасть я в бездну нищеты!

Я расслышал тихий ропот, – так журчит вода,

Серафимов дальний шопот: «Песнь одна всегда!

На земле все – только тени, всех обманет ложь мгновений,

С нами будет Леонени вечно молода».

Снова радостью нетленной вспыхнул небосклон:

День последний, незабвенный, утро похорон!

Всем сердцам кругом звучала внятно музыка хорала.

Леонени исчезала от меня, как сон.

Поэмы

1829 г.
Тамерлан

Заката сладкая услада!
Отец! я не могу признать,
Чтоб власть земная – разрешать
Могла от правой казни ада.
Куда пойду за гордость я,
Что спорить нам: слова пустые!
Но, что́ надежда для тебя,
То мне – желаний агония!
Надежды? Да, я знаю их,
Но их огонь – огня прекрасней,
Святей, чем все о рае басни…
Ты не поймешь надежд моих!

Узнай, как жажда славных дел
Доводит до позора. С детства
(О, горе! Страшное наследство!)
Я славу получил в удел.
Пусть пышно ею был украшен
Венец на голове моей,

Но было столько муки в ней,
Что ад мне более не страшен.
Но сердце плачет о весне,
Когда цветы сияли мне;
И юности рог отдаленный
В моей душе, невозвратим,
Поет, как чара: над твоим
Небытием – звон похоронный!

Я не таким был прежде. Та
Корона, что виски мне сжала,
Мной с бою, в знак побед, взята.
Одно и то же право дало
Рим – Цезарю, а мне – венец:
Сознанья мощного награда,
Что с целым миром спорить радо
И торжествует наконец!

На горных кручах я возрос.
Там, по ночам, туман Таглея
Кропил ребенка влагой рос;
Там взрывы ветра, гулы гроз,
В крылатых схватках бурно рея,

Гнездились в детский шелк волос.

Те росы помню я! Не спал
Я, грезя под напев ненастья,
Вкушая адское причастье;
А молний свет был в полночь ал;
И тучи рвал, и их знамёна,
Как символ власти вековой,
Теснились в высоте; но вой
Военных труб, но буря стона
Кричали в переменной мгле
О буйных битвах на земле.
И я, ребенок, – о, безумный! —
Пьянея под стогласный бред,
Свой бранный клич, свой клич побед,
Вливал свой голос в хаос шумный.

Когда мне вихри выли вслух
И били в грудь дождем суровым,
Я был безумен, слеп и глух;
И мне казалось: лавром новым
Меня венчать пришел народ.
В громах лавины, в реве вод

Я слышал, – рушатся державы,
Теснятся пред царем рабы;
Я слышал – пленников мольбы,
Льстецов у трона хор лукавый.

Лишь с той поры жестокой страстью
Я болен стал, – упиться властью,
А люди думали, она,
Та страсть, тирану врождена.
Но некто был, кто, не обманут
Мной, знал тогда, когда я был
Так юн, так полон страстных сил
(Ведь с юностью и страсти вянут),
Что сердце, твердое, как медь,
Способно таять и слабеть.

Нет речи у меня, – такой,
Чтоб выразить всю прелесть милой;
С ее волшебной красотой
Слова померятся ли силой?
Ее черты в моих мечтах —
Что тень на зыблемых листах!
Так замереть над книгой знанья

Запретного мне раз пришлось;
Глаз жадно пил строк очертанья…
Но буквы, – смысл их, – все слилось
В фантазиях… – без содержанья.

Она была любви достойна;
Моя любовь была светла;
К ней зависть – ангелов могла
Ожечь в их ясности спокойной.
Ее душа была – что храм,
Мои надежды – фимиам
Невинный и по-детски чистый,
Как и сама она… К чему
Я, бросив этот свет лучистый,
К иным огням пошел во тьму!

В любовь мы верили, вдвоем
Бродя в лесах и по пустыням;
Ей грудь моя была щитом;
Когда же солнце в небе синем
Смеялось нам, я – небеса
Встречал, глядя в ее глаза.
Любовь нас учит верить в чувство.

Как часто, вольно, без искусства,
При смехе солнца, весь в мечтах,
Смеясь девической причуде,
Я вдруг склонялся к нежной груди
И душу изливал в слезах.
И были речи бесполезны;
Не упрекая, не кляня,
Она сводила на меня
Свой взгляд прощающий и звездный.

Но в сердце, больше чем достойном
Любви, страстей рождался спор,
Чуть Слава, кличем беспокойным,
Звала меня с уступов гор.
Я жил любовью. Все, что в мире
Есть, – на земле, – в волнах морей, —
И в воздухе, – в безгранной шири, —
Все радости, – припев скорбей
(Что тоже радость), – идеальность, —
И суета ночной мечты, —
И, суета сует, реальность
(Свет, в коем больше темноты), —
Все исчезало в легком дыме,

Чтоб стать, мечтой озарено,
Лишь лик ее, – и имя! – имя! —
Две разных вещи, – но одно!

Я был честолюбив. Ты знал ли,
Старик, такую страсть? О, нет!
Мужик, потом не воздвигал ли
Я трон полмира? Мне весь свет
Дивился, – я роптал в ответ!
Но, как туманы пред рассветом,
Так таяли мои мечты
В лучах чудесной красоты, —
Пусть длиться было ей (что в этом!)
Миг, – час, – иль день! Сильней,
чем страсть,
Гнела ее двойная власть.

Раз мы взошли с ней до вершины
Горы, чьи кручи и стремнины
Вставали из волнистой тьмы,
Как башни; созерцали мы
В провалах – низкие холмы
И, словно сеть, ручьи долины.

Я ей о гордости и власти
Там говорил, – но так, чтоб все
Одним лишь из моих пристрастий
Казалось. – И в глазах ее
Читал я, может быть, невольный,
Ответ – живой, хоть безглагольный!
Румянец на ее щеках
Сказал: она достойна трона!
И я решил, что ей корона
Цветы заменит на висках.

То было – мысли обольщенье!
В те годы, – вспомни, мой отец, —
Лишь в молодом воображеньи
Носил я призрачный венец.
Но там, где люди в толпы сжаты,
Лев честолюбия – в цепях,
Над ним с бичом закон-вожатый;
Иное – между гор, в степях.
Где дикость, мрачность и громадность
В нем только разжигают жадность.

Взгляни на Самарканд. Ведь он —

Царь всей земли. Он вознесен
Над городами; как солому,
Рукой он держит судьбы их;
Что было славой дней былых,
Он разметал подобно грому.
Ему подножьем – сотни стран,
Ступени к трону мировому;
И кто на троне? – Тамерлан!
Все царства, трепетны и немы,
Ждут, что их сломит великан, —
Разбойник в блеске диадемы!

Ты, о Любовь, ты, чей бальзам
Таит целенье неземное,
Спадающая в душу нам,
Как дождь на луг, иссохший в зное!
Ты, мимо пронося свой дар,
Спаляющая, как пожар!
Ты, полнящая все святыни
Напевами столь странных лир
И дикой прелестью! – отныне
Прощай: я покорил весь мир.

Когда надежд орел парящий
Постиг, что выше нет вершин,
Он лет сдержал и взор горящий
Вперил в свое гнездо у льдин.
Был свет вечерний. В час заката
Печаль находит на сердца:
Мы жаждем пышностью богатой
Дня насладиться до конца.
Душе ужасен мрак тумана,
Порой столь сладостный; она
Внимает песню тьмы (и странно
Та песнь звучит, кому слышна!).
В кошмаре, так на жизнь похожем,
Бежать хотим мы и не можем.

Пусть эта белая луна
На все кругом льет обольщенье;
Ее улыбка – холодна;
(Все замерло, все без движенья);
И, в этот час тоски, она —
Посмертное изображенье!
Что наша юность? – Солнце лета.
Как горестен ее закат!

Уж нет вопросов без ответа,
Уж не прийти мечтам назад;
Жизнь вянет, как цветок, – бескровней,
Бескрасочней от зноя… Что́ в ней!

Я в дом родной вернулся, – но
Чужим, пустым он стал давно.
Вошел я тихо в сени дома
Дверь мшистую толкнув, поник
У входа, – и во тьме возник
Там голос, прежде столь знакомый!
О, я клянусь тебе, старик!
В аду, в огне и вечной ночи,
Нет, нет отчаянья жесточе!

Я вижу в грезах осиянных, —
Нет! знаю, ибо смерть за мной
Идя из области избранных,
Где быть не может снов обманных,
Раскрыла двери в мир иной,
И истины лучи (незримой
Тебе) мне ярки нестерпимо, —
Я знаю, что Иблис в тени

Поставил людям западни.
Иначе как же, в рощах нежных
Любви, той, чей так светел взгляд,
Той, что на перья крыльев снежных
Льет каждодневно аромат
Людских молитв, дар душ мятежных, —
В тех рощах, где лучи снуют
Сквозь ветви блеском столь богатым,
Что даже мошки, даже атом
От глаз Любви не ускользнут, —
Как мог, скажи мне, там разлиться
Яд честолюбия в крови,
Столь дерзко, чтоб с насмешкой впиться
В святые волосы Любви!

Аль Аарааф[4]

[4] Примечания: 4
Астрономом Тихо-де-Браге была открыта новая звезда, Аль Аарааф, которая неожиданно появилась на небе, — в несколько дней достигла яркости, превосходившей яркость Юпитера — и почти вдруг исчезла и вновь не появлялась никогда.

Часть I

Ничто земное, – разве луч
Прекрасных глаз, что, снова жгуч
В глазах цветов, где, нежно-нем,
День всходит из черкесских гемм;
Ничто земное, – разве пенье
Ручья в лесном уединеньи, —
Иль (музыка сердец влюбленных!)
Восторгов зов, столь напряженных,
Что, словно раковины шум,
Их это длится в тайнах дум; —
Не часть земных несовершенств, —
Вся Красота, весь мир Блаженств,

Что есть в Любви, что есть в Саду,
Сполна украсили Звезду,
Ах, – удаленную Звезду!

Для Несэси был год счастливым; мир
Ее тогда вплыл в золотой эфир
И временно близ четырех солнц, пленный,
Кружил, – оаз среди пустынь вселен-

ной, —
В морях лучей, чей эмпирейский свет
Жег душу той, кому запретов нет,
Той, кто, всходя до грани совершенства,
Едва вмещала полноту блаженства.
К далеким сферам путь ведя порой,
Она плыла – туда, где шар земной.
Но ныне, найденной страны Царица,
Забыла скиптр, дала рулю кружиться,
Чтоб в аромате, в свете четверном,
Под гимн планет спать серафимским сном.

И в дни блаженства, на Звезде Мечты,
(Где родилась «идея Красоты»,
Чтоб, вдаль упав, меж звезд, в лучах наитий,
Как женских локонов и перлов нити, —
С холмов Ахейских просиять), – она
Взглянула в небо, ниц преклонена.
Сонм облаков рдел вкруг, как балдахины,

В согласьи с дивной пышностью картины,
Являл свой блеск, но не мешал являть
Другим вещам их блеск, их благодать;
Гирляндами он ниспадал на скалы,
Влив радуги в воздушные опалы.

Итак, мечты Царицу ниц склонили
К цветам.
Вокруг – вздымались чаши лилий,
Тех, что белели у Левкадских скал[5],
Чей длинный стебель дерзко оплетал
Шаги беглянки[6] *(смертного любившей,*
Любовью гордой жизнь свою сгубившей); —
Сефалики, под роем пчел клонясь,
Плели из стеблей пурпурную вязь; —
Цветы, что прежде, в виде гемм чудесных,

---

[5] Примечания: 5
Санта Маура — в древности Левкадия.

[6] Примечания: 6
Сапфо.

Цвели на высших из планет небесных,
Все затмевая прелестью своей,
Чей мед сладчайший, – нектар древних дней, —
Пьянил до бреда[7] *(с высоты вселенной*
За то их свергли в мир несовершенный,
Где мы зовем их «требизондский цвет»;
На них поныне блеск иных планет;
Они у нас, пчел муча неустанно
Своим безумием и негой странной,
О небе грезят; никнут от тоски
Меж сказочной листвы их лепестки;
В раскаяньи и в скорби безутешной
Они клянут безумства жизни грешной,
Бальзам вдыхая в белые уста;
Так падшей красоты – светла мечта!); —
Никанты[8]*, дня святей, что, не желая*
Благоухать, жгут ночь благоухая; —

---

[7] Примечания: 7

Этот цветок привлек внимание Левенгека и Турнефора; пчела, питающаяся им, становится пьяной.

[8] Примечания: 8

Ночные красавицы.

Те клитии[9], что плачут, смущены,
Солнц четырех свет видя с вышины; —
Те, что родятся на Земле с невольной
Тоской о небе; сердцем богомольно
Льют аромат, чтоб, чуть открыв глаза,
Сад короля сменить на небеса[10]
Те валиснерий лотосы[11], высот
Жильцы по воле бурных Ронских вод; —
Твоих благоуханий пурпур, Занте[12],
Isola d'oro, fior di Levante; —
Цветок Нелумбо[13], чей лелеет сон
В святой реке Индусский Купидон;
Цветок волшебный, дымкой фимиама

---

[9] Примечания: 9

В просторечии — подсолнечник, *Chrysanthemum Peruvianum*.

[10] Примечания: 10

Цветок из рода алоэ, культивируемый в королевском саду в Париже; он отцветает в июле, роняет лепестки, вянет и гибнет.

[11] Примечания: 11

Род водяной лилии, растущей в ложе Роны; его стебель очень длинен и тем предохраняет цветок во время разливов реки.

[12] Примечания: 12

Гиацинты.

[13] Примечания: 13

Намек на индусскую легенду, по которой бог любви родился в водяном цветке и поныне любит этот цветок, как свою детскую колыбель.

Взносящий в небо гимны храма[14].

Гимн Несэси

«Дух! ты, кто в высоте,
Там, где в эфире ясном
Равно по красоте
Ужасное с прекрасным!
Где твердь завершена,
Где грань орбитам звездным,
Откуда плыть должна
Звезда назад по безднам!
Где твой предел святой,
Незримый лишь кометам,
Наказанным судьбой
За грех пред вечным светом,
Несущим пламя в даль,
Луч алый преступленья
И вечную печаль, —
Вовек без промедленья!

---

[14] Примечания: 14

Золотые кадильницы, фимиам которых был молитвами святых (Апокалипсис, гл. VIII, ст. 3).

Мы знаем: ты – во всем!
Ты – в вечности: мы верим!
Но на челе твоем
И тень – мы чем измерим?
Друзья весны моей
Хранили убежденье,
Что вечности твоей
Мы, в малом, отраженье[15].
Но все, как ты решил;
Звезда моя далеко,
И путь ей меж светил
Твое казало око.
Здесь мне мечтой взнестись
К тебе, что – путь единый:
В твою святую высь
Или в твои глубины.
Твой рок мне возвещен
Фантазией священной[16],

---

[15] Примечания: 15

Школа гуманитариев утверждала, что бог имеет человеческий образ (см. «Проповеди» Клэрка).

[16] Примечания: 16

Всегда животворную, — любимицу Зевсову, — Богиню Фантазию (Гёте).

Пока не станет он
Открыт для всей вселенной!»

Царица смолкла, скрыв лицо глубоко
Меж стеблей лилий, пламенного ока
Не в силах снесть (в эфире мировом
Звезда, дрожа, была пред божеством);
Не шевелилась, даже не дышала. —
И некий Голос, высший, слышно стало, —

Грохот молчанья, без границ, без мер,
Что мы признали б музыкою сфер.
Наш мир – мир слов, и мы зовем «молчаньем» —
Спокойствие, гордясь простым названьем,
Все звуки издает в краю людей
(Есть даже голос у земных идей).
Не то в иных возвышенных мирах,
Где голос рока повергает в прах,
Под алый ветер, бьющий в небесах.

Голос

«Пусть есть миры, орбиты чьи незримы[17]*,*

Что лишь единым солнцем предводимы,

Те, где безумие – моя любовь,

Где гнев мой внятен только через кровь,

Чрез гром, землетрясенья, бури в море

(Путь гнева моего встречать им – горе);

Пусть есть миры, где солнце лишь одно,

Где время помрачать века должно! —

Но на тебе горят мои сиянья:

Неси мирам мои предначертанья;

Покинь покой кристального жилья!

Сквозь небо ты и вся твоя семья,

---

[17] Примечания: 17
Слишком малы, чтобы быть видимы (Ледж).

Как луциолы полночью в Мессине[18],
К далеким звездам путь вершите ныне!
Святые тайны разглашать в мирах,
Грядущих гордо! Стань и грань и страх
В сердцах, где преступленья, – чтоб созвездья
Не дрогнули в предчувствии возмездья!»

Царица встала. Небосвод ночной,
Шафранный, ярок был одной луной
(Как на Земле, где, в песнях паландина,
Единая любовь с луной единой).
И как луна встает из облаков,
Царица шла от алтаря цветов
К дворцу, на высь, где день мерцал, слабея, —
Еще не покидая Терасеи[19].

---

[18] Примечания: 18

Я часто замечал странные движения луциол; они собираются в группу и улетают как бы из общего центра, по бесчисленным радиусам.

[19] Примечания: 19

Терасея — остров, упоминаемый Сенекой; он в один миг поднялся из моря на глазах у изумленных моряков.

Часть II

Была гора с вершиной из эмали
(Пастух такие в лиловатой дали,
Проснувшись ночью на ковре из трав,
Туманно видит, веки чуть разжав,
Когда он шепчет: «Будь мне легок жребий!»
А белая луна – квадрантом в небе).
Была гора, чью розовую высь, —
Как стрелы башен, что в эфир взнеслись, —
Зашедших солнц еще слепили очи,
Тогда как в странном блеске, в полдень ночи,
Луна плясала; а на выси там
Многоколонный возвышался храм,
Сверкая мрамором, чье повторенье
На зыби водной, в прихоти движенья,
Вторично жило жизнью отраженья.

Из звезд падучих[20] *сделан был помост, —*

Тех сквозь ночной эбен летящих звезд,

Чья серебром рассыпанная стая

Жильям небес поет хвалу, блистая.

На световых цепях был утвержден

Храм: диадема над кольцом колонн.

Окно, – алмаз огромный, – было вскрыто.

На куполе, пред пурпуром зенита.

Лёт метеоров, режа высоту,

Благословлял всю эту красоту,

Когда не застил блесков Эмпирея

Тревожный дух, на скорбных крыльях рея.

Взор серафический в алмаз окна

Мог различать, как сны морского дна,

Наш мир, одетый в плащ серо-зеленый;

Над гробом мертвой красоты – колонны;

---

[20] Примечания: 20

Одна звезда, из потрясенной кровли Олимпа падшего, упала вниз (Мильтон).

И ангелов изваянных, что взгляд

Из мраморных гробов в эфир стремят;

И в темных нишах строй ахейских статуй,

Детей мечты, когда-то столь богатой;

Тадмора фриз; в Персеполе[21] *ряды*

Дворцов и башен; Бальбека сады;

Гоморры[22] *пышный блеск (о! волны грозно*

Идут на вас, но вам спасаться поздно!).

Звук веселиться любит ночью летней:

Так в Эйрако́[23]*, – в час сумерек приметней, —*

---

[21] Примечания: 21

Вольтер говорит о Персеполе: «Мне известно, как многие восхищаются этими развалинами, — но может ли дворец, воздвигнутый у цепи бесплодных скал, быть высоким созданием искусства?»

[22] Примечания: 22

По-турецки — Ула Дегизи; но окрестные жители зовут Мертвое море — Бахар-Лот или Аль-Мотанах. В море исчезло, несомненно, более двух городов. В долине Сиддима их было пять: Адрах, Зебоим, Зоар, Содом, Гоморра. Стефан Византийский называет восемь, Страбон — тринадцать. Тацит, Страбон, Иосиф Флавий, Даниил де Сен-Саба, Но, Мондрель, Троило, д'Арвие говорят, что после сильных засух над водой видны остатки стен и колонн; но эти остатки видны и сквозь прозрачную воду озера, притом на таком расстоянии одни от других, что надо допустить существование нескольких городов на пространстве, которое ныне занято Мертвым морем.

[23] Примечания: 23
Эйрако — Халдея.

Священный ропот волнами входил
В слух мудрецов, следивших бег светил,
И так же входит в слух того, кто ныне,
Задумчив, смотрит в дальний мрак пустыни,
И звуки тьмы, сходящей с вышины,
Так осязательны и так плотны![24]

Но что это? – вот близится, – и это —
Мелодия, – вот крыльев трепет где-то, —
Вот пауза, – звук вновь, – аккорд в конце.
И Несэси опять в своем дворце.
От быстрого полета нежно-алой
Покрылись краской щеки, грудь вздыхала
Прерывисто, и лента, что вилась
Вкруг стана нежного, – оборвалась.
Она ждала, переводя дыханье,

---

[24] Примечания: 24
Мне часто казалось, что я слышу гул ночи, поднимающийся с горизонта.

Окликнув: Занте! – Дивное мерцанье,
Ей золото волос поцеловав,
Уснуть не в силах, искрилось, как сплав.

Шептались гармонически растенья,
Цветок с цветком и с веткой ветка, пенье
Ручьев пленяло музыкой ночной,
При звездах – в рощах, в долах —
под луной.
Все ж от вещей молчанье шло незримо, —
От волн, и трав, и крыльев серафима;
Лишь музыка, что мыслью создана,
В лад нежных слов звучала, как струна.

Песня Несэси

Под жасмином, под маком,
Под ветвями, что сны
Охраняющим мраком
Берегут от луны, —

Лучезарные сестры!

Вы, кто взоры смежив,
Чарой пламенно-острой,
Звездам шлете призыв, —

Чтобы им опуститься
К вашим ликам на час,
Словно взором Царицы,
Призывающей вас, —

Пробуждайтесь, хранимы
Ароматом цветов:
Некий подвиг должны мы
Совершить в царстве снов!

Отряхните, ликуя,
С черноты ваших кос
Каждый след поцелуя
В каплях утренних рос!

(Ибо ангел не в силах
Без любви жить и час,
И заря усыпила
Поцелуями вас!)

Встаньте! С крыльев стряхните
Рос чуть видимый гнет:

Их прозрачные нити
Ваш замедлят полет.

След любовной истомы
Свейте, свейте в конец!
В косах – блеск невесомый,
Он для сердца – свинец!

** * **

Где Лигейя? – Далёко ль,
Кто прекрасней всех дев,
Чей и помысл жестокий
Переходит в напев?

Или ты пожелала
Задремать в куще роз?
Или грезишь устало,
Как морской альбатрос[25],

На полночном молчаньи,
Как на воздухе он,
Внемля в страстном мечтаньи
Мелопее времен?

---

[25] Примечания: 25
Говорят, что альбатрос спит, паря в воздухе.

* * *

Знаю! где бы Лигейю
Ни сковала мечта,
Та же музыка с нею
Неразрывно слита.

Ты, Лигейя, смежаешь
Много взоров мечтой,
Но, уснув, ты внимаешь
Песням, сродным с тобой, —

Что цветам, беспрерывней,
Дождь лепечет в саду,
Чтоб затем, в ритме ливней,
Поплясать их в бреду, —

Тем, что ропщут[26] *при всходе*
Чуть прозябшей травы, —
Звукам, вечным в природе,
Повторенным, увы!

О, далеко, далеко

---

[26] Примечания: 26
Я нашел эту мысль в старой английской сказке, которую цитирую на память: «Самая сущность, первичный источник, происхождение всякой музыки — в пленительном шуме, который издают прорастающие растения».

Унеси свои сны,
Где источник глубокий
Спит под лаской луны, —

Где над озером сонным
В звездах вся синева,
И посевом зеленым
К ним глядят острова, —

Где, в извилинах лилий,
Дикий берег не смят,
И где в неге бессилий
Девы юные спят, —

Те, что пчел разумея,
Вместе с ними – во сне[27], —
Пробудись, о Лигейя,
Там, в блаженной стране!

Девам спящим – в виденьи
Музыкально шепни!
(Чтоб услышать то пенье,
И уснули они).

---

[27] Примечания: 27
Дикие пчелы не спят в темноте, если светит луна.

Ибо ангелов что же
Пробуждает от сна,
В час, когда так похожа
На виденье луна,

Как не чара, чудесней
Чар, сводящих луну:
Ритм пленительной песни,
Низводящей ко сну!

Взлетели ангелы с цветов полей,
Сонм серафимов взнесся в эмпирей,
И сны, на крыльях тяжких, бились где-то
(Всем – серафимы, кроме Знанья, света
Могучего, взрезающего твердь,
Твоей преломленного гранью, Смерть!)
Всем заблужденье было сладко, слаще —
Смерть. – На земле познаний вихрь свистящий
Мрачит нам зеркала счастливых дум:
Им этот вихрь был смертным, как самум.

Зачем им знать, что свет померк во взоре,

Что Истина есть Ложь, а Счастье – Горе?

Была сладка их смерть, – последний час

Был жизни завершительный экстаз,

За коим нет бессмертия, нет жизни,

Но – сон сознательный, сон в той отчизне

Грез, что – вне рая (– вещая страна! —),

Но и от ада как удалена![28]

Часть III

Но кто, преступный дух, во мгле какой,

Гимну не вняв, презрел призыв святой?

Их было двое, – (в небе нет прощенья

Тем, кто не понял тайного влеченья!) —

Дух-дева, с ней – влюбленный серафим.

---

[28] Примечания: 28

По верованию арабов, есть среднее состояние между адом и раем, пребывающие в котором не несут наказаний, но и не испытывают спокойного счастия, составляющего эдемское блаженство.

Где ж ты была (путь помыслов незрим),

Любовь ослепшая? ты, долг священный?[29]

Им – пасть, меж слез печали совершенной.

То был могучий дух, который пал,

Блуждатель вдоль ручьев у мшистых скал,

Огней, горящих с выси, созерцатель,

При свете лунном, близ любви, мечтатель.

(Там каждая звезда – взор с высоты,

И кротко нежит кудри красоты;

Там все ручьи у мшистых скал – священны

Для памяти, в любви и в грусти пленной.)

Ночь обрела, – ночь горя для него! —

Над пропастью утеса – Энджело;

Он, озирая глубь небесной шири,

---

[29] Примечания: 29
Меж слез печали совершенной — выражение Мильтона.

Глядел с презреньем на миры в эфире.

С возлюбленной вот сел он на скале;
Орлиным взором стал искать во мгле,
Нашел, – и, снова обратясь к любимой,
Ей указал на блеск земли чуть зримой.

Рассказ Энджело

«Ианте! милая! следи тот луч!
(Как сладостно, что взор наш так могуч!)
Он был не тот, когда я в день осенний
Покинул Землю, – ах! без сожалений!
Тот день, – тот день, – припомнить должен я,
Закат над Лемном[30] *час, лучи струя —*
На арабески залы золотой,
Где я стоял, на ткани с их игрой
И на мои ресницы. – (Свет заката!
Как веки им пред ночью сладко сжа-

[30] Примечания: 30
Лемн (Лемнос) — остров в Греции.

ты!)
Цветы, туман, любовь, – мне мир был дан,
И твой, персидский Сади, Гюлистан!
Но этот свет! – Я задремал. – И телом
На дивном острове смерть овладела
Так нежно, что не дрогнул шелк волос,
Не изменилось тени в зыби грез.

Последней точкой на земле зеленой
Был для меня храм гордый Парфенона[31], —
Тот, в чьих колоннах больше красоты,
Чем жгучей грудью выдаешь и ты.
Лишь время мне полет освободило,
Я ринулся, – орел ширококрылый, —
В единый миг сливая все, что было.
Меня опоры воздуха несли;
Внизу ж открылся уголок Земли:
Я различал, как в движимой картине,
Ряд городов разрушенных, в пустыне…

---

[31] Примечания: 31
Еще в 1687 г. он был цел и являлся высшей точкой Афин.

Все было так прекрасно, что желать
Почти я мог – вновь человеком стать!»

Ианте

«Мой Энджело! Тебе ль – удел земного!
Ты здесь обрел цель счастья мирового:
Даль зеленей, чем на земле туманной,
И чару женщины в любви безгранной!»

Энджело

«Но слушай, Ианте: я чуть мог вздохнуть,
А дух мой в небе продолжал свой путь.
Казалось мне: тот мир, что мной покинут,
(То был ли бред!) – в кипящий хаос ринут,
Сорвался с места, вихрями влеком,
Огнем понесся в небе огневом.
Казалось мне: мой лёт остановился;

Я падал – медленней, чем я взносился;
И в трепетном паденьи, сковзь ряды
Лучей горящий, к золоту звезды
Мой путь был краток: ближе всех светила
Твоя звезда. – Но, – страшное
светило! —
В ночь радостей, зачем, угроз полно,
Дэдалий алый, поднялось оно?»

Ианте

«Так! то – Земля! – Противиться царице
Не смели мы. Нам, Энджело, – смириться!
Как луциолы, там и здесь, везде,
Мы реяли по золотой звезде,
Одним блаженны, что царица нас
Благословит одним сияньем глаз.
Но Время, сказкой крыльев шевеля,
Не крыло сказки дивней, чем Земля!
Все поняла я. Диск Земли был мал;

Его лишь ангел в небе различал,
Когда впервые убедились мы,
Что нам к нему – путь в океане тьмы;
Но вот Земля блистает с высоты
Пророчеством грядущей Красоты!
А мы с тобой от тайны отреклись…
Скала дрожит. Час близится. Склонись!»

* * *

Иante смолкла. Становилась тень
Бледней, бледней, – но не рождался день.
И двое пали. – В небе нет прощенья
Тем, кто не понял тайного влеченья.

Критико-библиографический комментарий

Объяснения переводчика

Перевод сделан по тексту так наз. «Нового Тамерлановского издания»:

The Tales and Poems of Edgar Allan Poe. In ten volumes. New York. The Brampton Society publishers. New Tamerlan Edition.

Помимо того переводчик пользовался еще следующими изданиями:

Poems and Essays by Edgar Allan Poe. Edited by John H. Ingram. Leipzig 1884. Tauchnitz edition.

The Poems of Edgar Allan Poe. With an essay by Andrew Land. Portland. Maine. 1906. Thomas B. Mosher.

The Poetical Works of Edgar Allan Poe of America. With a notice by James Hannay esq. London 1856. Addey and Co.

В указанных четырех изданиях встречаются разногласия в тексте. В основу переводчик клал текст Нового Тамерлановского изд., которое к тому же значительно полнее трех других, но в некоторых случаях принимал чтения, предложенные таким знатоком Эдгара По, как Ингрэм, а в одном случае остановился на поправке А. Ланга. Изд. 1856 г. служило образцом, так сказать, тра-

диционного текста и традиционного понимания стихов Эдг. По.

Из переводов широко пользовался переводчик французскими, особенно следующими:

Edgar Poe. Poésies complètes, traduites par Gabriel Mourey. Paris 1909. Mercure de France.

Les Poèmes d'Edgar Poe. Traduction en prose de Stéphane Mallarmé. Paris 1889. Léon Vanier éd.

Edgar Poe. Sa vie et son æuvre par Êmile Lauvrière. Paris 1904. Felix Alcan éd.

Перевод Г. Мурея — очень близок к подлиннику, передает текст слово за словом, подстрочно, но помогая нередко разобраться в запутанных конструкциях оригинала. Перевод Ст. Маллармэ, напротив, — довольно свободен, но удачно воссоздает художественность оригинала, почему способствовал иногда найти соответственные выражения по-русски. Переводы, включенные в критическую биографию, написанную Э. Ловриером, занимают среднее положение: не столь художественные, как у Маллармэ, они свободны от буквальности Мурея. Кроме того, книга Ловриера вообще дала очень много для понимания текста Эдгара По, так как в ней собран огромный фактический материал. Переводчик пользовался еще переводами двух стихотворений («Ворон»

(Le Corbeau) и «К моей матери»), сделанными Ш. Бодлэром.

Другими французскими переводами (которых довольно много) переводчик не пользовался. Из немецких переводов имел в своем распоряжении только перевод Гедвиги Лахман (Берлин, 1891); из итальянских — А. Ортенси (Ланчиано, 1892).

Русские переводы стихов Э. По довольно многочисленны, но, к сожалению, большинство их настолько неудачно, что они не могли принести никакой пользы переводчику.

Наибольшей известностью пользуются переводы К. Бальмонта (наиболее полное их собрание в I томе «Собрания сочинений Э. По в переводе К. Д. Бальмонта», изд. 3-е, М., 1911, где дан перевод 28 стихотворений). Наиболее удовлетворительны из них те, где перевод сделан белыми стихами (без рифм). В переводах с рифмами К. Бальмонт лишь очень приблизительно передает смысл английских стихов, пропуская огромное количество отдельных мыслей, образов, тем более нюансов подлинника. Форма передана не менее неудовлетворительно: утрачена вся звуковая игра стиха, особенности стихосложения, характерный поэтический синтаксис Э. По и т. д.; местами не сохранен даже размер. Достаточно привести

два-три примера. К. Бальмонт пишет:

И дни мои – томленье,
И ночью все мечты
Из тьмы уединенья
Спешат туда, – где ты,
Воздушное виденье
Нездешней красоты!

Это передача следующих английских стихов:

And all my days are trances,
And all my nightly dreams
Are where thy dark eye glances,
And where thy footstep gleams —
In what ethereal dances,
By what eternal streams!

К. Бальмонт начинает одну поэму:

Во тьме безутешной – блистающий праздник,
Огнями волшебный театр озарен.
Сидят серафимы в покровах и плачут,
И каждый печалью глубокой смущен.

Эдгар По начинает ту же поэму:

Lo! 'tis a gala night
Within the lonesome latter years!
An angel throng, bewinged, bedight
In veils, and drowned in tears.
Sit in a theatre, to see... etc.

К. Бальмонт пишет:

Ты в (?) мыслях, и, млея (?),
Рождается звон (?).

Это значит:

Whose harshest idea
Will to melody run.

Или у К. Бальмонта:

И, лепет рождая (?),
Взрастает трава,
И музыка, тая (?), —
Жизнь мира жива.

Это:

The murmur that springs
From the growing of grass
Are the music of things —
But are modeird, alas!

К. Бальмонт переводит отдельные *слова,* а смысл, к которому относятся эти отдельные слова, часто становится понятен только по справке с подлинником.

Весьма неудовлетворительны также переводы Вас. Федорова («Эдгар По, Поэмы и стихотворения», М., 1923, где дан перевод 12 стихотворений). Не говоря о том, что многое передано прямо неверно, в этих переводах безнадежно искажен самый тон поэзии Э. По: пропали все оттенки мыслей, изящно-изысканный стих заменен тяжелым и порой трудно произносимым, вместо оригинальных рифм даны самые шаблонные и т. п. Для желающих предлагается сравнить с подлинником центральные создания Э. По «Ворон» и «Юлалюм» или его изящную шутку «Энигма», которая в передаче Вас. Федорова обратилась в малопонятный набор

слов.

Наибольшее число русских переводов стихов Э. По падает на поэму «Ворон»: С. Андреевского, Д. Мережковского, К. Бальмонта, Altalena (В. Жаботинского), Вас. Федорова, не считая *трех* (напечатанных) редакций моего. Очень слабы переводы С. Андреевского и Вас. Федорова, лучший, кажется, Altalena. В моем переводе (последняя

редакция) сделана попытка точно передать выражения «nothing more» и «nevermore», но, конечно, вряд ли ворон может выкрикивать слоги: «больше никогда».

Очень большое число стихотворений Эдгара По впервые появляется в русском переводе в данном издании. Особенно относится это к так наз. «первоначальным редакциям» поэм, которые у Эдгара По часто являются совершенно самостоятельными произведениями. Впервые в данном издании стихи Эдгара По расположены в хронологическом порядке, чего не делают даже английские издания. Это расположение потребовало отдельного расследования, так же как библиографические данные, собранные в примечаниях.

Из критических работ об Эдгаре По я пользовался: авторитетнейшим Дж. Ингрэма (E. A. Poe, his life, letters and opinion, London, 1391), упомянутой выше книгой Э. Ловриера (E. Poe, sa vie et son æuvre, Paris, 1904), очерком жизни Э. По, составленным К. Бальмонтом (Соч., т. VI), где использована, непосредственно оставшаяся мне неизвестной, книга А. Гаррисона (Life and letters of E. A. Poe, New-York, 1902–03, 2 vol.), известными статьями Ш. Бодлэра, а в отделе библиографии также книжкой: Karl Hans Strobl, Worte Poes, mit

einer Bibliographie von Moritz Grolig. Minden i. Westf. (1907).

Сборники стихов Эдгара По, изданные при его жизни

При жизни Эдгаром По было издало *четыре* сборника стихов, которые далее означаются как изд. 1827 г., изд. 1829 г., изд. 1831 г. и изд. 1845 г.:

1. *Tamerlane* and other poems. By a Bostonian. Boston 1827. Calvin F. S. Thomas. 12°. 40 стр. (Изд. 1827 г.).

2. *Al Aaraaf,* Tamerlane and minor poems. Baltimore 1829. Hatch and Dunning. 8°. 72 стр. (Изд. 1829 г.).

3. *Poems*. Second edition. New-York 1831. Elam Bliss. 12°. 124 стр. (Изд. 1831 г.).

4. *The Raven* and other Poems. New-York 1845. Wiley and Putnam. 12°. 92 стр. (Изд. 1845 г. Этот последний сборник при жизни Эдг. По был переиздан еще 3 раза: в том же издательстве в том же 1845 г. и в следующем 1846 г., в Лондоне — в 1846 г.).

В промежутках между выходом названных изданий стихи Эдг. По печатались в разных американских журналах, так же как после 1845 г. вплоть до смерти автора. Некоторые впервые

были напечатаны после его смерти.

I. Сборник 1827 г.

Первый сборник (изд. 1827 г.), вышедший анонимно («Тамерлан и другие поэмы одного *Бостонца*»), всего в 40 страниц разгонистой печати, содержит юношеские произведения Эдг. По. В предисловии автор заявляет, что многие из них написаны в 1822 и даже 1821 г., когда автор был 12–13-летним мальчиком. При склонности Эдг. По к мистификациям можно не придавать полной веры этому показанию; к тому же Эдг. По постоянно, год за годом переделывал и исправлял свои стихи. Все же и в год выхода сборника автору было *едва 18 лет*. Книжка была напечатана на счет самого Эдг. По, но в обращение *не поступила*. Позднее Эдг. По объяснял это «семейными обстоятельствами» — насколько верно, неизвестно.

Центральное место в сборнике 1827 г. занимает поэма «Тамерлан», написанная под сильнейшим влиянием Байрона. Героем избран восточный завоеватель, тип человека с титаническими страстями и разочарованного. Тамерлан рассказывает некоему монаху свою жизнь, свою сверхчеловеческую любовь, свои подвиги, свое

разочарование в жизни. Форма (4-стопный ямб) — та же, что в поэмах Байрона. В поэме много технических недостатков; стиль очень неровен. Позже Эдг. По дважды переделывал поэму, многое из нее выкинул, вставлял в нее части из других своих стихотворений, исправил наиболее бросающиеся в глаза недостатки. В последней редакции «Тамерлана» гораздо больше мастерства, нежели в ранней, но зато, в силу огромных сокращений, сюжет стал почти непонятен. «Тамерлан» представляет интерес только для изучения эволюции Эдг. По как поэта: сходных байронических поэм писалось в 20-х годах XIX века очень много.

Из других, очень немногих, стихотворений, входивших в сборник 1827 г., мы взяли для перевода те, в которых сказывается раннее мастерство стихотворца («Озеро», «Вечерняя Звезда»), те, которые любопытны в биографическом отношении («Сон», «Гимн Гармодию и Аристогетону»), и, наконец, те, где уже проступает будущее своеобразие Эдгара По («Имитация», «Духи смерти»). Два стихотворения («Счастливейший день» и «Песня»), несомненно, слабые и юношески несовершенные, но также интересны с биографической точки зрения. Надо заметить, что этим почти исчерпывается все содержание сборника

1827 г.

II. Сборник 1829 г.

Второй сборник (изд. 1829 г.), изданный в Балтиморе, лишь немногим превышающий размеры первого, так как состоит из 72 страниц, появился в свет после тех двух лет, которые Эдг. По провел частью на военной службе, частью в самых тяжелых условиях жизни. У автора было мало досуга, чтобы серьезно переработать свои юношеские создания. Тем не менее «Тамерлан», в изд. 1829 г., появился совершенно в новом виде, сильно сокращенный, почти уже приняв форму своей окончательной редакции. Рядом поставлена другая поэма, перевод которой дан в нашем изд., «Аль Аарааф», имеющая все недостатки «неопытной руки, еще не знающей края» (выражение А. А. Фета), но по многим частностям весьма замечательная, а главное — проявляющая исключительную силу фантазии в авторе, который делает — для той эпохи крайне оригинальную — попытку: слить искусство с наукой, основать поэтические создания на данных точного знания (в частности — астрономии, всю жизнь особенно увлекавшей Эдгара По).

Из стихотворений, входивших в изд. 1827 г., в сборнике 1829 г. совершенно исключено пять. Новых стихотворений прибавлено девять. Из этих последних одно, в изд. 1829 г. озаглавленное «Введение», было потом переработано для изд. 1831 г. (преимущественно — сокращено), где помещено под заглавием «Романс», другое, в изд. 1829 г. озаглавленное «Имитация» (в нашем изд. — «Прежняя жизнь предо мной»), было позднее частично использовано для других поэм; из семи остающихся тут — малозначительные «альбомные» стихотворения (какие Эдг. По продолжал писать всю свою жизнь, достигнув потом большого изящества в этом жанре), а четыре, в разных отношениях, — заслуживают большего внимания. Для эволюции идей Эдг. По очень важны «Мечты» и «Мне в юности...»; прекрасно сделан умный «Сонет к науке», который часто перепечатывался в разных антологиях; уже совершенно своеобразна поэма «Страна фей», которую можно предпочесть позднейшим обработкам той же темы. Добавим, что то же должно сказать о стихотворении «Прежняя жизнь...», которое прямо испорчено во второй редакции, и о «Введении», которое потеряло всю трагическую завлекательность своей интимной искренности

в позднейшем, объективно-сдержанном «Романсе».

III. Сборник 1831 г.

Летом 1830 г. Эдг. По поступил в военное училище, но в марте 1831 г. уже покинул его. Тотчас после того был издан третий сборник стихов юного поэта, помеченный как «второе издание» (под первым разумелся сборник 1829 г., как бы только повторявший изд. 1827 г.). Эпиграфом к книге выбраны слова Рошфуко: «Все в мире — правы». Книга посвящена «Кадетскому Корпусу С. Ш.». Длинное предисловие, в форме письма к мистеру Б***, излагает взгляды автора на поэзию и на современных поэтов.

Как «второе издание» книга заключает мало нового: в общей сложности на 124 стр. только 11 произведений. В том числе — две более крупные поэмы: «Тамерлан», в своей третьей, окончательной редакции, причем в поэму включены стихи из некоторых ранних стихотворений, напр., «Озеро» и «Аль Аарааф», во 2-й редакции, не очень значительно отличающейся от 1-й. Из прежних стихотворений повторено только «Введение» из изд. 1829 г., сильно сокращенное и озаглавленное

«Романс». Остальные семь стихотворений напечатанные впервые, это: «К Елене», «Израфели», «Осужденный город», «Страна фей», «Айрина», «Пэан», «Долина Ниса». Большинство из них было позднее переработано и напечатано вновь под новыми заглавиями.

IV. Сборник 1845 г.

Большой успех «Ворона» в начале 1845 г. дал возможность Эдгару По собрать свои новые поэмы в отдельном издании. То был томик, тоже небольшой, в 92 страницы, куда вошли далеко не все поэмы, написанные Эдгаром По даже в позднейшие годы. Сборник посвящен: «Благороднейшей представительнице своего пола, автору *Драмы Изгнания*, мисс Элисабет Баррет Баррет из Англии, с восторженным поклонением и самым искренним уважением». Далее следует небольшое предисловие, где Эдгар По, между прочим, говорит: «В силу обстоятельств, не зависевших от моей воли, я ни в один из периодов моей жизни, не имел возможности вполне серьезно заняться тем, что в более благоприятных условиях стало бы избранным полем моей деятельности» (т. е. областью поэзии, стихов).

Примечания к отдельным стихотворениям

1821–1827 г.

Озеро. — Вечерняя Звезда. — Сон. Эти три стихотворения впервые напечатаны в изд. 1827 г. и позднейшим переделкам не подвергались.

Гимн Гармодию и Аристогетону. То же. Стихотворение имеет в подлиннике подзаголовок «Перевод с греческого». В действительности это — совершенно свободная обработка античной темы, и только первый образ (в первом стихе) заимствован из одного древнегреческого текста, коего сохранилось всего 4 строки. Напомним, что Эдг. По хорошо был знаком с классическими языками, любил цитировать античных писателей, и их влияние сказывается на его творчестве.

Имитация. Заглавие в подлиннике — «Imitation», т. е., буквально, «Подражание». Несомненно, однако, что Эдг. По не «подражает» в этих стихах никакому литературному образцу. Позднее несколько строк этого стихотворения использовано автором для поэмы «Прежняя жизнь предо мной», включенной в изд. 1829 г.

Духи смерти. Стихи, проявляющие уже все своеобразие поэзии. Эдг. По, были потом без изменений повторены в изд. 1829 г.

Песня. Я помню: ты… Стихи, не перепечатанные в изд. 1829 г. В композиции стихотворения, в намеке «*могла* ты…» и т. д. уже есть характерные черты поэзии Эдг. По. До некоторой степени «Песня» является прототипом будущей «Свадебной баллады» 1837 г.

Счастливейший день. Стихи, не перепечатанные в изд. 1829 г. Стихотворение, несомненно, — слабое, но заслуживающее внимания в биографическом отношении: в нем отразился горький жизненный опыт 18-летнего юноши. По техническим особенностям подлинника перевод на русский язык не может быть точным. Перевод, помещенный в тексте, сделан другим размером, нежели стих подлинника.

1828–1829 г.

Введение. Впервые появилось в изд. 1829 г. под заглавием «Introduction», на первом месте. Перепечатано в изд. 1831 г. под заглавием «Romance» («Романс»), со значительным сокращением, как и перепечатывается в новых изданиях. Эта завершительная редакция состоит всего из двух

строф:

Романс

Романс ты любишь петь, качаясь,
Глаза закрыв, крылья смежив,
В зеленых ветках старых ив,
Что спят, над озером склоняясь.
Мне был знаком тот мирный край,
Где жил ты, пестрый попугай!
Ты азбуке учил ребенка,
Твой голос повторял я звонко,
Блуждая в чаще без конца,
Дитя с глазами мудреца.

Но ныне вечный Кондор лет
Все небо потрясает властно
Шумящей бурей гроз и бед;
Под твердью мрачной и ненастной
Во мне беспечных звуков нет.
А если сронит в день спокойный
Он в сердце мне прозрачный пух,
Я нежно петь не смею вслух,
В моих руках нет лиры стройной:

Я знаю, что душа должна
Созвучной быть с тобой, струна!

Сонет к науке. Впервые появился в изд. 1829 г. и перепечатан в изд. 1831 г. без изменений.

Прежняя жизнь предо мной. Напечатано в изд. 1829 г. под заглавием «Имитация К***» (Imitation, т. е. Подражание). Часть стихотворения повторяет, с некоторыми видоизменениями, стихи из поэмы, озаглавленной «Имитация» в изд. 1827 г. (стихи 9–16). Другая часть (ст. 17–22) была позднее включена в стихотворение «Сон во сне», напечатанное в 1849 г.

Мечты. Впервые появилось в изд. 1829 г.

Мне в юности… Впервые напечатано в изд. 1829 г. Подлинник написан правильными рифмованными октавами. Мы предпочли перевод белым стихом, чтобы сохранить все уклоны мысли, так как стихотворение важнее по содержанию, чем своей формой. *Науки дней былых* (ср. «Ворон») — астрология; *спавший сном косным вдруг дрожит* — лунатик. Вопрос о влиянии луны на нервную систему человека до сих лор не вполне разрешен наукой.

Страна фей. Впервые появилось в изд. 1829 г.; в совершенно переработанном виде вошло в изд.

1831 г., см. дальше.

Альбомные стихи. Впервые напечатаны в изд. 1829 г.

1830–1831 г

К Елене. Впервые напечатано в изд. 1831 г. Стихотворение вспоминает Елену Стандарт, которую Эдгар По знал, будучи учеником Академии в Ричмонде. Это была одна из немногих женщин, обративших внимание на сироту-Эдгара и приласкавших его. Елена Стандарт вскоре умерла (в припадке психического расстройства); Эдгар По ряд месяцев ежедневно приходил на ее могилу. Позднейшие стихи Э. По «К Елене» обращены к поэтессе Елене Уитман. В переводе стихи 7-й и 8-й переданы четырьмя стихами, почему 2-я строфа в переводе имеет 7 стихов вместо 5.

Долина Ниса. Впервые появилось в изд. 1831 г.; в переработанном виде вошло изд. 1845 г. под заглавием «Беспокойная Долина», см. дальше.

Страна фей. См. 1828–1829 г. под тем же заглавием.

Осужденный город. Впервые появилось в изд. 1831 г.; в несколько сокращенном и измененном виде вошло в изд. 1845 г., см. дальше.

Айрина. Впервые появилось в изд. 1831 г. и пе-

репечатано в «Literary Messenger», май 1836 г.; в переработанном виде, под заглавием «Спящая», появилось в «Broadway Journal», май 1845 г., и вошла в изд. 1845 г.; см. дальше. В переводе, чтобы полнее передать подлинник, добавлено 2 стиха, 5-й и 6-й с конца, которые, впрочем, могут быть и опущены без нарушения связи мыслей и строения формы.

Пэан. Впервые появилось в изд. 1831 г.; в переработанном виде, под заглавием «Линор», помещено в «Pionner» 1842 г.; см. дальше.

1833 г.

Колисей. Впервые напечатано в «Saturday Visitor» 1832 г. в Балтиморе; перепечатано в «Southern Literary Messenger» 1835 г. с пометкой «премированная поэма». Поэме, действительно, была присуждена I-я премия на конкурсе, который был организован журналом, но Эдг. По не получил премии, так как ему же, на том же конкурсе была присуждена I-я премия за рассказ («Манускрипт, найденный в бутылке»). Может быть, «Колисей» — отрывок из драмы «Полициано», оставшейся незаконченной.

1835 г.

Одной в раю. Впервые появилось в тексте рассказа «Визионер» (позднее переименованного в «Свидание») в 1835 г.; в переработанном виде появилось в «Gentleman's Magazine» в июле 1839 г. под заглавием «К Ианте на небесах»; под нынешним заглавием вошло в изд. 1845 г. В переводе дана ранняя редакция поэмы, в позднейшей опущена последняя строфа.

Гимн. Впервые появилось, в составе рассказа «Морелла» в «Southern Literary Messenger», в апреле 1835 г.; в переработанной редакции, под заглавием «Гимн», появилось отдельно в «Broadway Journal» в августе 1845 г. и вошло в изд. 1845 г. Перевод дает позднейшую редакцию.

К Марии. Впервые появилось в «Southern Literary Messenger» в июле 1835 г., под заглавием «К Марии»; с некоторыми изменениями перепечатано в «Graham's Magazine», в марте 1842 г., под заглавием «К той, которая ушла»; с новыми изменениями перепечатано в «Broadway Journal», в апреле 1845 г., под заглавием «К Ф.», т. е. к Френсис Сарджент Осгуд, о которой см. дальше, 1845 г. Перевод дает последнюю редакцию стихотворения (т. е. 1845 г.).

В альбом. Впервые появилось в «Southern Literary Messenger», в сентябре 1835 г. под заглавием «В альбом» (точнее: «Стихи, написанные в альбом»), причем стихи были обращены к Елизе Уайт, дочери издателя журнала; с небольшими изменениями перепечатано в «Gentleman's Magazine» в августе 1839 г. под заглавием «К...»; вновь перепечатано в «Broadway Journal» в сентябре 1845 г. под заглавием «К Френсис Сарджент Осгуд», как ответ на ее стихи к Эдгару По, и вошло в изд. 1845 г. О Фр. С. Осгуд см. дальше, 1845 г. Перевод дает последнюю редакцию стихотворения.

1836 г.

Израфели. Впервые напечатано в 1836 г.

1837 г.

К Занте. Впервые напечатано в «Southern Literary Messenger», в январе 1837 г.; перепечатано в изд. 1845 г.

Свадебная баллада. Впервые напечатано в «Southern Literary Messenger», январь 1837 г. (написано, вероятно, много раньше). Перепечатано в «Broadway Journal», август 1845 г., и в изд. 1845 г. В этой завершительной редакции сдела-

но существенное изменение: выпущена вся 3-я строфа, так что в позднейших изд. баллада состоит только из четырех строф. Это, несомненно, усиливает художественность впечатления, но делает стихотворение не вполне ясным: слишком многое читатель должен угадать. Сохранилось известие, что стихи производили потрясающее впечатление в чтении самого Эдг. По. Баллада была несколько раз положена на музыку и часто исполнялась в концертах.

1838 г.

Непокойный замок. Впервые появилось в «American Museum» в апреле 1838 г.; позднее включено в состав рассказа «Падение дома Эшер» (1839 г.); отдельно перепечатано в изд. 1845 г.

Червь победитель. Впервые появилось в «American Museum» в сентябре 1838 г.; позднее включено в состав рассказа «Лигейя»; отдельно перепечатано в «Graham's Magazine» в январе 1843 г.; позднее перепечатано в изд. 1845 г. При перепечатках в поэму вносились автором различные поправки; перевод дает последнюю редакцию поэмы.

1840 г.

Молчание. Впервые появилось в «Gentleman's Magazine» в апреле 1840 г.; перепечатано в изд. 1845 г. В подлиннике, как и в переводе, 15 стихов, так что форма сонета не выдержана («сонет с кодой»).

1842 г.

Линор. См. выше «Пэан» 1831 г.

1844 г.

Страна снов. Впервые напечатано в «Graham's Magazine» в июне 1844 г.; перепечатано в изд. 1845 г.

Ворон. Поэма была написана осенью 1844 г.; Эдг. По долго предлагал ее разным журналам, но безуспешно; впервые она была напечатана в «Evening Mirror» 20 января 1845 г.; позднее перепечатана в изд. 1845 г., в его повторениях и многих других. Эта поэма сразу получила огромную популярность, и Эдгара По стали называть «певцом Ворона». По другим известиям, наброски «Ворона» восходят еще к 1843 или даже 1842 г.

1845 г.

Спящая. См. 1830–1831 г., «Айрина».

Юлэлей. Впервые напечатано в «American Review» в июле 1845 г.; перепечатано в изд. 1845 г.

Город на море. Напечатано в изд. 1845 г. См. 1830–1831 г., «Осужденный город».

Беспокойная долина. То же. См. 1830–1831 г., «Долина Ниса».

Френсис Сарджент Осгуд. В журналах 1845 г. напечатаны Эдгаром По (и перепечатано в изд. 1845 г.) два стихотворения, обращенные к Френсис Сарджент Осгуд, одно с ее полным именем, другое под заглавием «К Ф.». Оба являются переделкой стихов, напечатанных еще в 1835 г., где и см. их, обращенных тогда к другим лицам. Фр. Сарджент Осгуд была женой художника, сама писала статьи и стихи; о последних Эдг. По отзывался в печати благосклонно. Личное их знакомство относится к 1845 г., к эпохе после появления «Ворона». Стихи с полным именем г-жи Осгуд были напечатаны как ответ на ее послание в стихах к Эдгару По, напечатанное в «Broadway Journal».

К Ф. См. предыдущее.

1846 г.

Валентина. Написано в начале 1846 г. Читая 1-ю букву 1-го стиха, 2-ю — 2-го, 3-ю — 3-го и т. д., получаем имя: Френсис Сарджент Осгуд, о которой см. выше, 1845 г.

1847 г.

Юлалюм. Написано осенью 1847 г.; напечатано в «American Review» в декабре 1847 г., без подписи автора. В рукописи имелась еще одна, заключительная, строфа, откинутая Эдгаром По по совету г-жи Уитман:

Мы вскричали-ль – мы двое: – «Что ж это?
Иль ведьмы в Уирских лесах,
Ведьмы, с сердцем, полным привета,
Чтоб закрыть нам дорогу в лесах,
Оградить нас от тайны в кустах,

Смели вызвать духов планеты
Из пределов Луны в небесах,
Духов ярко-преступной планеты
Из Эреба душ в небесах!»

Энигма. Эти стихи были посланы в письме к С. А. Лиуйс в ноябре 1847 г., напечатаны в «Union Magazine» в марте 1848 г. Складывая буквы, как в стихотворении «Валентина», получаем имя Сарра Анна Лиуйс (Sarah Anna Lewis). То была писательница, сблизившаяся с Эдг. По в последние годы его жизни и, вместе с несколькими друзьями, помогавшая несчастному поэту. Эдг. По называл ее Стелла.

К Марии-Луизе Шю. Написано в 1847 г., точнее дата неизвестна. В посмертном собрании соч. Эдг. По стихи ошибочно были отнесены к числу юношеских. С Марией-Луизой Шю Эдгар По встретился в 1846 г.; заботы и влияние ее во многом облегчили тяжелую жизнь поэта и его умиравшей жены.

1848 г.

Звон. Набросано впервые летом 1848 г. у Марии-Луизы Шю (о которой см. выше); переделано осенью того же года и послано Эдгаром По в журнал, который не напечатал поэмы; новая обработка, февраля 1849 г., тоже не была принята редакциями журналов; наконец, третья обработка, мая 1849 г., была напечатана в «Union Magazine» в октябре 1849 г., т. е. в месяц смерти

Эдгара По. Самая ранняя редакция поэмы (автограф ныне принадлежит Дж. Ингрэму) также была напечатана в 1849 г., по смерти Эдгара По. Перевод в тексте воспроизводит окончательную редакцию, а здесь мы даем перевод первоначального наброска:

I

Звон, ах! звон!
Звон из серебра!
О, как сказочно то пенье,
Та игра!
Пенье нежных голосов,
Голосов из серебра,
Это пенье, пенье, пенье
Бубенцов!

II

Звон, ах! звон!
Тягостный железный звон!
О, как грозны и суровы
Эти зовы,
Зов глубоких голосов.

Монотонно строгий зов!
Весь дрожу, бежать готовый,
Я под звон колоколов,
Под их зов, зов, зов!

Елене. Напечатано в «Union Magazine», в ноябре 1848 г.; написано на несколько месяцев раньше. Стихи обращены к Елене Уитман, внушившей Эдгару По его последнюю любовь.

Марии-Луизе Шю. Написано в 1848 г.; напечатано только в посмертном собрании соч. Эдг. По. О М.-Л. Шю см. выше, 1847 г.

1849 г.

Аннабель Ли. Написано в начале 1849 г.; Эдгар По послал стихи в «Union Magazine», где они появились лишь в январе 1850 г., через три месяца по смерти автора; не видя этих своих стихов в печати, Эдгар По вторично послал их в «South Literary Messenger», но и там они были помещены лишь по смерти автора, в ноябре 1849 г.; раньше всего они появились в одном некрологе Эдгара По в нью-йоркской газете «Tribune». Полагают, что стихи внушены воспоминаниями об умершей жене.

Моей матери. Написано в начале 1849 г.; Эдгар

По послал стихи в «Flag of our Union», но этот журнал вскоре прекратился; впервые стихи появились в «Leaflet of Memory» в 1850 г. Стихи обращены к Марии Клемм, тетке поэта и матери его жены Виргинии. Мария Клемм действительно была истинной матерью поэту.

К Энни. Впервые напечатано в «Flag of our Union» весной 1849 г.; ввиду ряда опечаток Эдг. По напечатал эти стихи вторично в «Home Journal» в 1849 г. «Энни» была молодая женщина, которая «внесла немного света в последние месяцы жизни Эдгара По»; он писал ей длинные страстные письма.

Эль-Дорадо. Впервые напечатано в «Flag of our Union», 1849 г. В переводе сохранена особенность подлинника: разделение одного слова между двумя стихами (более обычная в поэзии античной).

Посмертные

Сон во сне. Время, когда написано это стихотворение, неизвестно. Некоторые стихи входили в поэму 1828–1829 г. «Прежняя жизнь предо мной», другие — в обработку поэмы «Тамерлан» 1831 г.; девять первых стихов были посланы Эдг. По в 1849 г. в письме под заглавием «К Энни». Впервые напечатано в посмертном собр. соч. Эдгара По.

Леонени. Впервые напечатано в 1904 г.; написано, вероятно, в 1849 г.

Поэмы

Тамерлан. Впервые появилось в изд. 1827 г.; со значительными переделками перепечатано в изд. 1829 г. и с новыми изменениями в изд. 1831 г. В предисловии к изд. 1827 г. Эдгар По говорит о Тамерлане: «Автор хотел показать в этой поэме, как опасно рисковать лучшими чувствами сердца, принося их на алтарь честолюбия. Он сознает, что в поэме много недостатков (помимо характера главного героя), которые он мог бы без труда, — в чем он уверен, — исправить; но, в отличие от своих предшественников, он слишком любит свои первые создания, чтобы их изменять или исправлять, раз они стали уже *старыми*». Перевод воспроизводит последнюю редакцию поэмы, во многом отличающуюся от первой. Между прочим, большие сокращения сделали неясным самое развитие сюжета.

Аль Аарааф. Впервые появилось в изд. 1829 г.; с некоторыми изменениями перепечатано в изд. 1831 г. В первой редакции поэме был предпослан сонет «К науке». Кроме того, поэма начиналась следующими 29 стихами, позднее замененными:

Звезда мечты!
Светила ты
Мне долгой ночью лета.
Склонясь к ручью,
Я жизнь твою
Теперь пою, —
Ты ж с высоты
В стихи влей брызги света.

В тебе нет наших зол, и ты —
Вся красота, и все цветы,
Что есть в любви, что есть в садах,
В садах пленительной мечты,
Где девы дремлют на цветах,
Где с гор черкесских ветер посребреный
На ложе из фиалок никнет, сонный.
О, мало, мало на тебе
Подобного земной судьбе!
Здесь взоры Красоты прекрасней
Всех, даже той, кто всех несчастней.
Здесь в далях вечно реют песни,
Что́ всех грустней и всех чудесней.

Пускай сердца стареют, – звон
Так постепенно заглушен,
Что, словно раковины шум,
Он эхо длит в восторге дум.
Твоих печалей символ – лист
Спадающий, светл и лучист;
Скорбь на тебе – свята, и более:
В ней даже нет и меланхолии!

Перевод воспроизводит последнюю редакцию поэмы. Однако в переводе допущены некоторые отступления от текста подлинника. Во-первых, в переводе поэма разделена на *три* части, тогда как в оригинале — только на *две* (III часть перевода непосредственно следует за II). Во-вторых, в переводе, для ясности, введены подзаголовки: «Гимн Несэси», «Рассказ Энджело» и т. д. В-третьих, перевод заключительных стихов (последних 20) передает только общую идею оригинала, как ее понимает переводчик, ибо точная передача английского текста оставила бы многое слишком неясным; перевод этого места поэмы, вероятно, всегда будет переходить в толкование. В-четвертых, часть примечаний Эдгара По, в которых юный поэт желал блеснуть своей эрудицией, вы-

пущена или сокращена, а именно: примечание о «школе гуманитариев» продолжается ссылками на Мильтона, сообщением о секте антропоморфистов и т. под.; примечание о рае и аде (конец II части перевода) продолжается цитатой из испанского поэта Луиса Понса де Леон; в одном примечании обсуждается ритм стиха, в других приводятся еще параллели из Мильтона и т. д. В том же примечании, где приведены испанские стихи, автор неожиданно излагает идею всей поэмы в следующих словах: «Грусть не исключена из мира Аль Аараафа, но это та печаль, которую живые сохраняют по умершим и которая для некоторых подобна опьянению от опиума. Страстное возбуждение любовью и та легковесность духа, которая является следствием такой отравы, суть наименее здоровые радости Аль Аараафа. Наказание за них и есть завершительная гибель всего населения звезды и уничтожение для душ, избравших ее своим местопребыванием после смерти».

В свое время поэма прошла незамеченной, как и вообще сборники 1829 и 1831 гг., хотя в «Аль Аарааф» сказываются уже все характерные черты поэзии Эдгара По. В 1846 г., уже после успеха «Ворона», Эдгар По имел неосторожность объявить

в Бостоне на 16 октября вечер, на котором хотел прочесть свою *новую* поэму. К назначенному сроку билеты на вечер были проданы, но новой поэмы написано не было. В отчаянии поэт просил г-жу Осгуд написать стихи вместо него; та, конечно, отказалась. Тогда Эдгар По прочел «Аль Аарааф», поэму, никому тогда не известную. Но бостонской публикой она была встречена более чем холодно. Во время самого чтения большая часть слушателей покинула зал.

Приложение

Константин Бальмонт
Гений открытия

Он был страстный и причудливый безумный человек.

«Овальный портрет»

Некоторые считали его сумасшедшим. Его приближенные знали достоверно, что это не так.

«Маска красной смерти»

Есть удивительное напряженное состояние ума, когда человек сильнее, умнее, красивее самого себя. Это состояние можно назвать праздником умственной жизни. Мысль воспринимает тогда все в необычных очертаниях, открываются неожиданные перспективы, возникают поразительные сочетания, обостренные чувства во всем улавливают новизну, предчувствие и воспоминание усиливают личность двойным внушением, и крылатая душа видит себя в мире расширенном и углубленном. Такие состояния, приближающие нас к мирам запредельным, бывают у каждого, как бы в подтверждение великого принципа конечной равноправности всех душ. Но одних они

посещают, быть может, только раз в жизни, над другими, то сильнее, то слабее, они простирают почти беспрерывное влияние, и есть избранники, которым дано в каждую полночь видеть привидения и с каждым рассветом слышать биение новых жизней.

К числу таких немногих избранников принадлежал величайший из поэтов-символистов Эдгар По. Это — сама напряженность, это — воплощенный экстаз — сдержанная ярость вулкана, выбрасывающего лаву из недр земли в вышний воздух — полная зноя котельная могучей фабрики, охваченная шумами огня, который, приводя в движение множество станков, ежеминутно заставляет опасаться взрыва.

В одном из своих наиболее таинственных рассказов, «Человек толпы» Эдгар По описывает загадочного старика, лицо которого напоминало ему образ Дьявола. «Бросив беглый взгляд на лицо этого бродяги, затаившего какую-то страшную тайну, я получил, — говорит он, — представление о громадной умственной силе, об осторожности, скаредности, алчности, хладнокровии, коварстве, кровожадности, о торжестве, веселости, о крайнем ужасе, о напряженном и бесконечном отчаянии». Если несколько изменить слова этой

сложной характеристики, мы получим точный портрет самого поэта. Смотря на лицо Эдгара По и читая его произведения, получаешь представление о громадной умственной силе, о крайней осторожности в выборе художественных эффектов, об утонченной скупости в пользовании словами, указывающей на великую любовь к слову, о ненасытимой алчности души, о мудром хладнокровии избранника, дерзающего на то, перед чем отступают другие, о торжестве законченного художника, о безумной веселости безысходного ужаса, являющегося неизбежностью для такой души, о напряженном и бесконечном отчаянии. Загадочный старик, чтобы не остаться наедине с своей страшной тайной, без устали скитается в людской толпе; как Вечный Жид, он бежит с одного места на другое, и когда пустеют нарядные кварталы города, он, как отверженный, спешит в нищенские закоулки, где омерзительная нечисть гноится в застоявшихся каналах. Так точно Эдгар По, проникнувшись философским отчаяньем, затаив в себе тайну понимания мировой жизни, как кошмарной игры большего в меньшем, всю жизнь был под властью демона скитания и от самых воздушных гимнов серафима переходил к самым чудовищным ямам нашей жизни, что-

бы через остроту ощущения соприкоснуться с иным миром, чтобы и здесь, в провалах уродства, увидеть хотя серное сияние. И как загадочный старик был одет в затасканное белье хорошего качества, а под тщательно застегнутым плащом скрывал что-то блестящее, бриллианты и кинжал, так Эдгар По в своей искаженной жизни всегда оставался прекрасным демоном, и над его творчеством никогда не погаснет изумрудное сияние Люцифера.

Это была планета без орбиты, как его назвали враги, думая унизить поэта, которого они возвеличили таким названием, сразу указывающим, что это — душа исключительная, следующая в мире своими необычными путями и горящая не бледным сияньем полуспящих звезд, а ярким, особым блеском кометы. Эдгар По был из расы причудливых изобретателей нового. Идя по дороге, которую мы как будто уже давно знаем, он вдруг заставляет нас обратиться к каким-то неожиданным поворотам и открывает не только уголки, но и огромные равнины, которых раньше не касался наш взгляд, заставляет нас дышать запахом трав, до тех пор никогда нами не виданных и, однако же, странно напоминающих нашей душе о чем-то бывшем очень давно,

случившемся с нами где-то не здесь. И след от такого чувства остается в душе надолго, пробуждая или пересоздавая в ней какие-то скрытые способности, так что после прочтения той или другой необыкновенной страницы, написанной безумным Эдгаром, мы смотрим на самые повседневные предметы иным, проникновенным взглядом. События, которые он описывает, все проходят в замкнутой душе самого поэта; страшно похожие на жизнь, они совершаются где-то вне жизни, out of space — out of time, вне времени — вне пространства, их видишь сквозь какое-то окно и, лихорадочно следя за ними, дрожишь, оттого что не можешь с ними соединиться.

Язык, замыслы, художественная манера — все отмечено в Эдгаре По яркою печатью новизны. Никто из английских или американских поэтов не знал до него, что можно сделать с английским стихом — прихотливым сопоставлением известных звуковых сочетаний. Эдгар По взял лютню, натянул струны, они выпрямились, блеснули и вдруг запели всею скрытою силой серебряных перезвонов. Никто не знал до него, что сказки можно соединять с философией, он слил в органически цельное единство художественные настроения и логические результаты

высших умозрений, сочетал две краски в одну и создал новую литературную форму, философские сказки, гипнотизирующие одновременно и наше чувство, и наш ум. Метко определив, что происхождение поэзии кроется в жажде более безумной красоты, чем та, которую нам может дать земля, Эдгар По стремился утолить эту жажду созданием неземных образов. Его пейзажи изменены, как в сновидениях, где те же предметы кажутся другими. Его водовороты затягивают в себя и в то же время заставляют думать о боге, будучи пронизаны до самой глубины призрачным блеском месяца. Его женщины должны умирать преждевременно, и, как верно говорит Бодлер, их лица окружены тем золотым сиянием, которое неотлучно соединено с лицами святых.

Колумб новых областей в человеческой душе, он первый сознательно задался мыслью ввести уродство в область красоты и, с лукавством мудрого мага, создал поэзию ужаса. Он первый угадал поэзию распадающихся величественных зданий, угадал жизнь корабля как одухотворенного существа, уловил великий символизм явлений моря, установил художественную, полную волнующих намеков связь между человеческой душой и неодушевленными предметами, пророчески

почувствовал настроение наших дней и в подавляющих мрачностью красок картинах изобразил чудовищные — неизбежные для души — последствия механического миросозерцания.

В «Падении дома Эшер» он для будущих времен нарисовал душевное распадение личности, гибнущей из-за своей утонченности. В «Овальном портрете» он показал невозможность любви, потому что Душа, исходя из созерцания земного любимого образа, возводит его РОКОВЫМ восходящим путем к идеальной мечте, к запредельному первообразу, и как только этот путь пройден, земной образ лишается своих красок, отпадает, умирает, и остается только мечта, прекрасная, как создание искусства, но — из иного мира, чем мир земного счастья. В «Демоне извращенности», в «Вильяме Вильсоне», в сказке «Черный кот» он изобразил непобедимую стихийность совести, как ее не изображал до него еще никто. В таких произведениях, как «Нисхождение в Мальстрем», «Манускрипт, найденный в бутылке» и «Повествования Артура Гордона Мима», он символически представил безнадежность наших душевных исканий, логические стены, вырастающие перед нами, когда мы идем по путям познания. В лучшей своей сказке, «Молча-

ние», он изобразил проистекающий отсюда ужас, нестерпимую пытку, более острую, чем отчаяние, возникающую от сознанья того молчания, которым окружены мы навсегда. Дальше, за ним, за этим сознанием, начинается беспредельное царство смерти, фосфорический блеск разложения, ярость смерча, самумы, бешенство бурь, которые, свирепствуя извне, проникают и в людские обиталища, заставляя драпри шевелиться и двигаться змеиными движениями, — царство, полное сплина, страха и ужаса, искаженных призраков, глаз, расширенных от нестерпимости испуга, чудовищной бледности, чумных дыханий, кровавых пятен и белых цветов, застывших и еще более страшных, чем кровь.

Человек, носивший в своем сердце такую остроту и сложность, неизбежно должен был страдать глубоко и погибнуть трагически, как это и случилось в действительности.

Отдельные слова людей, соприкасавшихся с этим великим поэтом, характеризующие его как человека, находятся в полной гармонии с его поэзией. Он говорил тихим, сдержанным голосом. У него были женственные, но не изнеженные манеры. У него были изящные маленькие руки и красивый рот, искаженный горьким выражени-

ем. Его глаза пугали и приковывали, их окраска была изменчивой — то цвета морской волны, то цвета ночной фиалки. Он редко улыбался и не смеялся никогда. Он не мог смеяться, для него не было обманов. Как родственный ему Де-Куинси, он никогда не предполагал — он всегда знал. Как его собственный герой, капитан фантастического корабля, бегущего в полосе скрытого течения к Южному полюсу, он во имя открытия спешил к гибели, и хотя на лице у него было мало морщин, на нем лежала печать, указывающая на мириады лет.

Его поэзия, ближе всех других стоящая к нашей сложной и больной душе, есть воплощение царственного сознания, которое с ужасом глядит на обступившую его со всех сторон неизбежность дикого хаоса.

Стефан Малларме
Гробница Эдгара По
Перевод Иннокентия Анненского

Лишь в смерти ставший тем, чем был он изначала,
Грозя, заносит он сверкающую сталь
Над не понявшими, что скорбная скрижаль
Царю немых могил осанною звучала.

Как гидра некогда отпрянула, виясь,
От блеска истины в пророческом глаголе,
Так возопили вы, над гением глумясь,
Что яд философа развел он в алкоголе.

О, если туч и скал осиля тяжкий гнев,
Идее не дано отлиться в барельеф,
Чтоб им забвенная отметилась могила,

Хоть ты, о черный след от смерти золотой,

Обломок лишнего в гармонии светила,

Для крыльев дьявола отныне будь метой.